

Александр ПРОЗОРОВ

АНДРЕЙ БЕСПАМЯТНЫЙ



Александр Прозоров

**Андрей Беспамятный:
Кастинг Ивана Грозного**

«Автор»

2004

Прозоров А. Д.

Андрей Беспамятный: Кастинг Ивана Грозного /
А. Д. Прозоров — «Автор», 2004

Группа российских пограничников, погибших в бою на горном перевале, воскресает несколько веков спустя. Люди из будущего поручают им странную миссию – отправиться в далекое прошлое, в середину шестнадцатого столетия, и добыть захваченный татарами кастинг – артефакт таинственного предназначения. Задача кажется несложной для видавших виды профессионалов, к тому же вооруженных до зубов. Но в первой же схватке сержант Андрей Матях понимает, что привычные АКМы и гранаты – не самое надежное средство против сабель и луков и что тактика двадцатого века неприемлема в битвах эпохи Ивана Грозного...

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	34
Глава 6	51
Глава 7	57
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Кастинг Ивана Грозного

Александр Прозоров

Часть первая

Андрей Беспамятный

Глава 1

Чехи

В капитанской землянке пахло крепким кофе. Причем не растворимым, а самым настоящим – свежемолотым из хорошо прожаренных, еще горячих зерен, залитых ключевой водой и долго-долго томившихся в раскаленном песке. Андрей даже сглотнул от неожиданно появившейся во рту горчинки и облизнул сухие губы. Умом Матях, конечно, понимал, что настоящему кофе здесь, в Дай-Килойском ущелье, под самой вершиной горы Гонти, взяться негде. Тем более, сварить его здесь, в землянке начальника заставы, вовсе невозможно. Не имелось тут для этого ни примуса, ни посуды. Капитан Ратников обедал всегда вместе со всеми, в общей палатке, и ничего лишнего себе никогда не позволял. Но запах все равно продолжал витать в воздухе.

Сержант быстро осмотрелся: письменный стол, поставленный на попла доисторический фибровый чемодан, на котором, прикрытый белой тряпичей, возвышался двухкассетный «Панасоник», грубо сваренный из стальных листов сейф, «буржуйка» у дальней стены и портрет Кутузова, поперек мундира которого тянулась бело-сине-красная лента. Путин, разумеется, тоже имелся – он с ехидной усмешкой следил за офицером из стоящей на столе деревянной рамочки.

– Тоже чувствуешь? – проследил за взглядом подчиненного капитан и медленным движением огладил свою лысину. – Полдня откуда-то паленым воняет. А где тлеет – найти не могу.

– Может, провода аккумуляторные перетерлись? – предположил Матях. – Теперь слегка подкорачивают, вот изоляция и горит.

– Да проверял я, все нормально. – Однако Ратников встал, провел большими пальцами над ремнем, поддерживающим уже заметный животик, потом заглянул за сейф. Именно там тянулась «полевка», уходящая от магнитофона, через стену и к аккумулятору бензинового генератора. – Нет, все в порядке.

Капитан устало вздохнул, вернулся за стол, снизу вверх посмотрел сержанта:

– Ну что, Андрей, не надумал на сверхсрочную остаться? Дадим направление в школу прапорщиков, характеристику хорошую. Место тебе в нашем округе гарантировано.

– Не, товарищ капитан, – мотнул головой Матях, – не уговаривайте. Я лучше домой, по специальности.

– Ну, какая специальность? – откинулся на спинку стула офицер. – Ты на себя в зеркало когда-нибудь смотрел? Ты можешь себе представить программиста ростом сто девяносто два сантиметра и больше метра плеч в диаметре?

– В чем? – изумился сержант.

– Ну, в этом, – с усмешкой развел руками начальник заставы. – На что китель одевают.

– Да это пройдет, товарищ капитан, – повел плечами Матях. – Просто я тяжелой атлетикой до службы занимался. Как брошу, так и похудею раза в три. Видел я наших ребят, что на лыжи перешли. Тощие стали, как принцесса Диана.

– Да я не против, занимайся, – замотал головой Ратников. – И колесную пару от вагонетки тебя никто выбрасывать не заставляет. Но только я не понимаю, какого лешего с таким-то телом ты задницу за компьютером протирать собираешься? Чай, не очкарик какой-нибудь.

– А я не мясом на жизнь зарабатывать хочу, товарищ капитан. Мозгами хочу работать.

– Можно подумать, здесь голова не нужна, – недовольно поморщился офицер. – Дураки у нас долго не живут. Между прочим, Андрей, в погранвойсках тоже не одними ногами службу несут. У нас и компьютерные системы есть, и центры обработки информации.

– Знаю, что мне там скажут, товарищ капитан, – кивнул Матях. – Скажут, что с таким загревком нужно не за терминалом сидеть, а крупнокалиберный пулемет через плечо носить. Да и запрут куда-нибудь в лес командиром взвода. Не хочу. Я человек честный, от службы не уваливал, свои два года Родине отдал. А теперь собираюсь у себя дома мирно по клавишам стучать.

– Ну, разве это жизнь, Андрей? – пожал плечами начальник заставы. – Ты же мужчина! Воин. Ты должен страну свою защищать, труд ее мирный, а не платочки накрахмаленные в нагрудный карман запихивать. Как можно мужское дело на всякие кнопочки-бантики менять?

– Знаете, если стране действительно воины нужны, – не выдержал Матях, – она им должна как мужчинам настоящим платить, а не как сопливым секретуткам из какой-нибудь торговой компании. Извините, конечно, товарищ, капитан.

– А про слово такое как честь, совесть ты когда-нибудь слышал?

– Я из чести и совести к вам сюда на два года служить пришел, – повысил голос Матях, – а не сифилитиком из психушки прикидывался. А потом хочу нормально пожить, чтобы копейки до полочки не считать и на трамвайных билетах не экономить.

– Ладно, – остановился капитан и с силой протер свою лысину. – Еще три месяца у тебя на раздумья есть. А пока смотри на карту. Из Моздока сообщение пришло, что в ближайшие дни из Грузии к нам отряд боевиков прорваться собирается. Радиограмма была, и лейтенант штабной устное предупреждение привез. На тебя, кстати, похож связист очень. У тебя родственников здесь нет?

– Я у матери один, – кратко ответил сержант.

– Ну ладно, нет так нет. Так вот, лейтенант утверждает, что почти наверняка «чехи» пойдут сегодня вечером через наш участок. То есть, вот здесь, через Крестовый снежник, к Вараевому уступу. Смотри сюда, Андрей.

– Да что мне смотреть, товарищ капитан? – усмехнулся Матях. – Я по этим тропам и скалам уже год брожу. Что мне эта карта? Я и так скажу, что у снежника нам их не подловить. Там скалы одна на одной. При первом же выстреле бандиты попрячутся и назад уползут. Брать нужно за уступом, перед выходом в ущелье.

– Правильно, – согласился начальник заставы, складывая карту и сбрасывая ее обратно в ящик письменного стола. – Значит, коли проводник у них дешевый, они Вараевский уступ обойдут слева, чтобы по пологой расселине вниз спуститься. Если проводник опытный, то могут по уступу с правого склона пойти, чтобы потом через Угольную щель выбраться.

– Или прямо от уступа по ручью к Синему болоту, – добавил сержант.

– Нет, Андрей, – с довольной улыбкой замотал головой Ратников, – по болоту дороги больше нет. Коля на прошлой неделе туда двадцать растяжек поставил. Леску ноль пять под водой на глубине в ладонь натянул, а гранаты на склонах спрятал. Сверху ничего не видно, да еще и зарастет скоро. Если кому захочется вброд эту лужу перейти... В общем, мы услышим.

– А чего не предупредили?

– Зачем? – пожал плечами начальник заставы. – Из наших там все равно никто не ходит. А лишнее знание – лишний риск, что кто-то сболтнет по дурости. Ты тоже помалкивай. Просто помни, что по болоту хода нет, да если взрывы в той стороне услышишь, сразу наряд для проверки высылай.

– Понял, товарищ капитан.

– Вот и хорошо. – Ратников потянулся было за картой, но спохватился: – В общем, склон нижнего Гонга ты знаешь. Он как раз напротив тропы через Вараевский уступ. Займешь там позицию со Смирновым, Новиковым и Харитоновым. Еще с вами пойдет штабной лейтенант. Но ты за старшего. Он в качестве проверяющего отправится. Наблюдать за уровнем вашей боевой подготовки и оказывать огневую поддержку из своего автомата. А может, и еще какое задание у него есть, но помалкивает. Старший лейтенант Измалков со своим взводом и двумя АГС развернется перед расселиной слева от уступа. Боевая задача твоя такова: если услышишь со стороны расселины стрельбу, выдвигаешься со своей группой к снежнику и перекрываешь бандитам пути отхода. Только к ним за спину не высывайся, чтобы на линии огня не оказаться. Дави фланговым обстрелом.

– Сам знаю, не маленький, – обиделся Матях.

– Если пойдут по тропе, – спокойно продолжил капитан, – пропускаешь всю группу и открываешь огонь по замыкающим. Тогда, соответственно, Измалков поворачивает взвод к Угольной щели и встречает «чехов» на выходе. А ты, опять же, перекрываешь путь отхода. Под огнем по скальному карнизу особо не побегаешь.

– А если в болото сунуться?

– Тогда можешь корчить им сверху рожи и забрасывать гранатами, – разрешил начальник заставы. – Пусть эти уроды между растяжек побегают, коли в Грузии не сидится. Задача ясна?

– Так точно, товарищ капитан! – Матях щелкнул каблуками и отдал честь.

– Выполняйте, сержант, – поднялся офицер из-за стола и тоже вскинул руку к виску.

– Есть! – Матях развернулся, но выйти строевым шагом у него не получилось: сразу за спиной начинались ступеньки.

– Береги себя, Андрей, – бросил ему в спину Ратников и, не удержавшись, добавил: – Стране нужны толковые прапорщики.

После темной землянки яркий свет на улице резанул по глазам. Андрей Матях несколько секунд постоял, привыкая к ослепительному солнцу, потом, поежившись, пошел к обложенной камнями палатке второго взвода.

Несмотря на июль, трава на каменистых склонах высокогорья так и не выросла. Заставу продолжали окружать серые базальтовые россыпи, по которым до ближайшего лужка топтать по узким тропам километров десять. Ветер тоже дул постоянно в одном направлении – от близких снежных шапок вниз, к Дай-Килойскому ущелью. Туда же регулярно пытались прорваться и небольшие бандитские группки отдохнувших в Грузии чеченцев. Обычно после истребления одной шайки на две-три недели воцарялось спокойствие: убедившись в прочности границы, боевики и их арабские хозяева выжидали, пока русские успокоятся. Но потом, так и не поняв, что в России незваные гости не нужны, разбойники лезли снова. Перерыв наступал только зимой, когда перевалы утопали под многометровым слоем снега, а узкие тропинки обледеневали, и по ним не рискнул бы пробраться и снежный барс. Именно поэтому здесь, на заставе, на которой и летом температура не поднималась больше плюс пяти градусов, а зимой возникал настоящий морозильник, холодные месяцы любили все-таки больше, чем теплые.

– Харитонов! – войдя в палатку, окликнул солдата Матях. – Дуй в столовую, скажи прапору, чтобы обед на пятерых сделал, и «корочки» с собой. Потом найди Смирнова и Новикова. Через час выступаем, пусть готовятся.

– Они дрова для столовой колют.

– Я тебя не спрашиваю, что они делают! – повысил голос Андрей. – Я говорю, чтобы бросали все и собирались на выход. Давай, бегом!

Щуплый и черноволосый, Коля Харитонов был для Матяха земляком. Они в Питере, оказывается, жили на одной улице. Именно поэтому распоряжения сержанта солдат всегда

выполнял с некоторой ленцой, как бы проявляя снисхождение. Хотя тот же Витя Новиков или Коля Смирнов, призванные из Мордовии, за подобные пререкания немедленно получали в лоб.

– Ты еще здесь?

– Иду, иду, – недовольно буркнул земляк, застегивая ремень, и вышел за полог палатки.

Матях уселся на койку, расшнуровал ботинки, снял носки и вместо них намотал толстые байковые портянки. Когда-то, только пришедшим на службу салабоном, он считал, что в нынешнем двадцать первом веке носить портянки вместо носков – верх идиотизма и упрямил мать прислать ему носки. Однако, пару раз промочив ноги, быстро усвоил, что не все новомодные изобретения делают жизнь человека лучше. Когда ты ступаешь в лужу с носками на ногах – будешь потом весь день с взопревшими пятками ходить. А портянку – снял, перевернул, другой стороной намотал – и опять сухо. Поэтому теперь, к концу службы, отправляясь в наряд, Андрей всегда менял выпендренные носки на старые добрые портянки.

Вторым важным моментом был «ствол». В зависимости от места, в котором предстояло нести службу, сержанту постоянно требовалось менять его цвет. Вот и сейчас, распотрошив аптечку первой помощи, Матях принялся старательно заматывать автомат бинтом.

– Товарищ сержант, рядовые по вашему приказанию явились! – забрались в палатку вызванные Харитоновым бойцы. Оба голубоглазые, стриженные «под ноль», роста примерно на голову ниже командира, но крепкие, жилистые, на турнике «солнышко» без труда крутят. У обоих нос картошкой, широкие скулы, толстые короткие пальцы. Просто близнецы, да и только.

– Готовьтесь к выходу, – кратко сообщил Андрей. – Белые маскхалаты возьмите, оденьтесь теплее. Может быть, до завтра сидеть придется. Так что, не обморозьтесь.

– Прапор говорит, хоть сейчас жрать можно, – появился Харитонов, неся в руках стопку сложенных попарно бутербродов из больших ломтей хлеба и засунутыми между ними кусочками мяса. Или, как их называли на заставе – «корками». – А это паек.

– В вещмешок засунь, – распорядился, поднимаясь сержант. – Будешь сегодня нашим кормильцем. Воды прихватить не забудь. А то придется, как на прошлой неделе, снег жрать. Все, пошли в столовую. На сытый желудок и собираться проще.

Подкрепившись рассыпчатым пловом с бараниной и вдоволь напившись кисловатого компота, пограничники вернулись в палатку и обнаружили там незнакомого лейтенанта – уже в стандартной полевой жилетке, из карманов которой выглядывало шесть гранат и десять магазинов к «калашникову». Автомат лежал у него на коленях – приклад, ствол, цевье плотно перебинтованы, словно после тяжелого ранения.

– Ты, значит, сержант Матях? Лейтенант Любченко. Я пойду с вами.

Офицер выпрямился во весь рост, и Андрей впервые за всю службу обнаружил человека, ничуть не уступающего ему по габаритам. Матях будто увидел себя в зеркале: широкие плечи, карие глаза, слегка повернутый боком передний зуб на верхней челюсти. Единственная разница заключалась в глубоком шраме, который тянулся от левого глаза до самого уха, и гладко выбритой голове, поблескивающей первозданным гляncем.

– За старшего остаешься ты, – протянул лейтенант ладонь для рукопожатия. – Меня можно считать наблюдателем, как на учениях. Или одним из автоматчиков. Вы готовы?

– Взять оружие! – сухо приказал сержант и подобрал с постели свою жилетку со снаряжением. – Выступаем.

От заставы до Вараевского уступа ходу было два с небольшим часа. Сперва по пологой долинке до лесистого Дай-Килойского ущелья, по нему примерно полтора километра вверх, потом по дну узкой скальной пропасти еще полчаса. Здесь стены пропасти расходились в стороны почти на два километра, образуя зеленую, местами заболоченную долину – где, впрочем, ничего, кроме травы и ивняка, не росло. Отсюда, перебравшись через пологий перевал слева, можно было выбраться в Дай-Килойское ущелье, в котором хоть дивизию прячь – не найдут.

Либо, пробравшись по заснеженным склонам, что начинались справа, знающий местные тропы человек без труда уходил в Грузию. Место спокойное, безлюдное – потому чехи и пытались время от времени прощупать границу именно здесь.

Угольная щель, шириной всего чуть больше метра, со множеством выступающих гранитных ребер, вполне заменяла тренированному человеку лестницу. Поднявшись по ней почти до самой вершины, Матях вывел свой небольшой отряд на скальный карниз. Здесь можно было бы легко идти вдвоем, бок о бок – если бы не начинающийся слева отвес, обещающий неосторожному путнику очень долгий полет к поблескивающему внизу Синему болоту. Впрочем, иногда карниз сужался до ширины в локоть, и красться по нему приходилось, с силой вжимаясь спиной в стену.

Здесь стало уже настолько холодно, что в воздухе витали, не тая, сдутые ветром с горной вершины снежинки. И если люди не ощущали стужи, то только потому, что за время долгого перехода они распарились, как после хорошей бани.

Карниз выходил на широкую, усыпанную крупными валунами площадку, с которой открывался вид на любимый «чехами» снежник – присыпанный никогда не стаивающим снегом широкий перевал. Сквозь наст тут и там выпирали высокими округлыми пеньками темные скалы, между которыми, как в лесу, легко спрятаться от чужих глаз или спастись от пуль.

– Привал, – разрешил Матях, и бойцы немедленно попадали на землю, раскинув руки.

Сержант, убрав крышки с линзы бинокля, внимательно осмотрел искрящуюся под солнечными лучами белизну. Вроде, никаких следов нет. Значит, банда еще не проходила. Вовремя успели.

– Так, мужики, – скомандовал, не опуская бинокля, Андрей. – Одеваемся потеплее, сверху белые маскхалаты. Отдохнем в секрете, тут уже недалеко.

Вместе со всеми натянув ватные штаны и теплую куртку, а поверх них – легкий комбинезон из жесткой белой парусины, Матях двинулся дальше, повернув с площадки налево и, прыгая со скалы на скалу, стал забираться выше, постепенно огибая Синее болото. Вскоре под ногами закрипел снег, но сержанта это ничуть не беспокоило – снизу эти следы все равно не видно.

Выбравшись на ледник, пограничники прошли по нему около полусотни метров и оказались в глубоком, в рост, окопе, выдолбленном прямо во льду.

– Вот теперь точно все, – перевел дух сержант. – Отдыхаем.

Это укрытие он построил сам, еще в прошлом году. Отсюда, с расстояния в три сотни метров, идущая по Вараевскому уступу тропа была как на ладони, так же хорошо просматривалась и долина. Держать здесь оборону, если придется, можно хоть месяц – без вертолетной огневой поддержки ледник взять просто невозможно. Но самое главное – про схрон не знал никто из местных. А значит, можно не бояться, что кто-то наведет сюда чеченцев или оставит для пограничников мину-ловушку.

– Только тихо сидите, – предупредил подчиненных Матях. – Кто начнет болтать или закурит, сразу прикладом по голове получит, никакая шапка не поможет. Кстати, уши можно опустить, чтобы не отморозить себе ничего. Кто хочет, спите, пока ничего не происходит. Но наверх не высовывайтесь.

Бойцы зашевелились, развязывая узелки на шапках, а потом натягивая поверх капюшоны маскхалатов. Сержант же оперся грудью на утрамбованный из снега бруствер и приготовился к долгому ожиданию.

Вскоре послышалось сладкое сопение – Смирнов и Новиков, привалившись плечами друг к другу, безмятежно дрыхли, выпуская изо рта облачка белого пара. Лейтенант тоже откинулся на стенку схрона и закрыл глаза, сунув ладони под мышки. Харитонов, сложив по-турецки ноги, читал истрепанный детектив, забытый на заставе одним из вертолетчиков месяца два назад, и теперь переходивший из рук в руки. Время, казалось, остановилось – и если бы не

солнце, постепенно уползающее на запад, можно было бы подумать, что пограничники потерялись где-то в вечности, не имеющей начала и конца.

– Черт, скоро смеркаться начнет, – вслух пробормотал Матях, чтобы разогнать странное наваждение. – Этак мы и не увидим ничего.

– Что вы говорите, товарищ сержант? – вскинулся Харитонов.

– Ничего, – буркнул Андрей. – Темнеет. Как бы незамеченными не проскочили.

– В темноте по горам не походишь, – неожиданно подал голос лейтенант. – Сейчас появятся. Как раз перед закатом. – Он открыл глаза и повел плечами. – Самое время.

Офицер поднял автомат, снял его с предохранителя и передернул затвор.

– О, черт, и правда, идут, – заметил шевеление на площадке перед скальным уступом Матях. – Ну-ка, ребята, пошевелите ручками, разгоните кровь. Кажется, сейчас начнется. Харитонов, разбуди мордвин, а то храпят на всю долину.

Бинокль сержант спрятал – не дай бог, блик пустит. Подтянул к себе автомат и передернул затвор. Теперь самым главным было – куда боевики повернут. То ли в расщелину, к Измалкову, то ли на тропу вдоль склона. Матях надеялся, что на тропу – тогда не придется бегать по камням, рискуя налететь на растяжку, и занимать новые позиции, ориентируясь на ходу.

– Идут... – наконец прошептал он. Первым на площадке выпрямился одетый в светлое человек, покрутился на месте, закинул за плечи рюкзак. Похоже, проводник. Вот он отступил в тень, потом подошел к самому обрыву... Есть! Вышел на скальный уступ!

Прочие «чехи» стали вытягиваться следом. Одетые в российскую военную форму, все они несли в руках оружие. Снайпер, гранатометчик, три автоматчика. Классическая ударная группа. Интересно, это вся банда, или только передовой дозор? Может, проверяют, нет ли засады?

Матях снова повернулся к площадке, к снежнику за ней. Нет ли там еще теней? Не проявится ли движение? Вроде, тихо... Значит, все.

– Приготовились, – прошептал Андрей.

Справа от него выдвинул ствол Харитонов, мордвины и лейтенант обосновались слева. Матях продолжал выжидать, поглядывая в сторону перевала: вдруг там появится основной отряд? Но на белом снегу больше не шелохнулось ни единого живого существа. А согнувшиеся под тяжелыми рюкзаками «чехи» прошли уже больше половины тропы. Если их не остановить, могут оказаться у взвода Измалкова в тылу.

– Ну что, Иуда, – пробормотал сержант, подводя мушку прицела проводнику на уровень поясницы. – Предателю первая пуля. Отделение, приготовились... Огонь!

Пять стволов загрохотали одновременно, и вокруг бандитов появилось множество серых пыльных фонтанчиков от врезавшихся в скальный монолит пуль. Проводник в светлом халате сложился пополам и распластался на уступе, последний из автоматчиков, у которого из ноги вылетел красный тряпичный клок, потерял равновесие и полетел вниз. Еще одного боевика попавшая в тело пуля кинула о стену – он отскочил от камня и тоже ухнул в Синее болото. Остальным бандитам Аллах подарил еще несколько мгновений жизни – они успели схватиться за оружие, открыли ответный огонь, но палили не по засаде, а куда-то вверх, видимо, не понимая, откуда ведется огонь. Вот еще один «чех» откинулся назад, осел и разлегся поперек тропы.

Матях заметил, что автомат больше не реагирует на нажатие курка, отшатнулся от бруствера, выдернул пустую обойму, воткнул вместо нее другую, рванул со всей силы затвор, вернулся на позицию.

Бандитов на тропе оставалось по-прежнему двое. Автоматчик, раззявив рот и, видимо, что-то выкрикивая, лупил из «калаша» по горной вершине, а гранатометчик вскинул свой РПГ, готовясь выстрелить.

– Идиот безмозглый, – усмехнулся сержант.

Пум-м! – вякнул РПГ. Граната метнулась вперед – а реактивная струя, ударив в камень за спиной бандита, отразилась и легко сдула со скального карниза всех, кто на нем был – и мертвых и живых.

– Все, – опустил автомат Матях. – Цирк окончен.

Где-то над головой запоздало ухнул разрыв гранаты. Лейтенант отложил в сторону оружие и лег на живот. Харитонов, отстегнув магазин, передернул затвор, поймал вылетевший патрон. Новиков чему-то рассмеялся.

Внезапно Матях ощутил, как по лицу скользнул некий непривычный крупяной холодок – и тут же на него обрушилась огромная, непереносимая тяжесть.

Глава 2

Кастинг

Тело ныло все, от макушки и до кончиков пальцев ног. Было такое ощущение, словно кожу содрали, наполнили до краев газировкой и натянули обратно. Вспышки боли вспыхивали сразу везде и тут же угасали. К ним добавлялись судороги – во всех мышцах одновременно. На фоне этого кошмара Матях даже удивился тому, что смог ощутить в горле теплую и мягкую, но шершавую трубку. Это означало, что говорить он не сможет, а потому сержант просто открыл глаза. И всю его сущность тут же охватила паника – потому, что он обнаружил себя плавающим в воде. Прямо перед глазами колыхалась желтоватая жижа, сквозь которую с огромным трудом угадывались какие-то манипуляторы, лица и провода.

Паника сотрясла тело – и схлынула. Если в первый миг Андрей подумал, что вместе с отрядом сорвался с обрыва и теперь бултыхается в болоте, то разум быстро напомнил, что он не захлебывается, что легкие подпитываются кислородом, а вода отнюдь не холодная, как в горном болоте, а имеет точную температуру тела – то есть совершенно неощутима.

«Получается, я... В Моздоке? Что же случилось? Нас накрыло этой чертовой гранатой? Или была еще группа, которая накрыла нас, пока мы кромсали первую банду?»

Мысли вспыхивали и угасали. Матях пытался вспомнить, не слышал ли он посторонней стрельбы, угадать – как остальные ребята. И, самое главное – понять, где находится. То, что не в санитарной палатке на заставе – это точно. В Моздоке ему тоже ни разу не доводилось видеть механизмов, лечащих таким образом: с погружением в какой-то раствор, дыханием и подпиткой по трубкам. Может быть, его вывезли в Москву? Или в Питер? Если в город над Невой – значит, мама наверняка где-то рядом. Волнуется, наверное.

Андрей попытался покачать рукой, дать знать, что все в порядке. И тут же понял, что не может согнуть конечности в локтях. Но не потому, что они сломаны или оторваны, а просто из-за толстых манжет, напаянных по самые плечи. Сквозь жидкость было видно, что к ним подходит не меньше десятка трубочек и кабелей.

«Однако, крепко же меня достало, если так упаковывать пришлось, – одними уголками губ улыбнулся он. – Небось, сижу на искусственных легких, искусственных почках, искусственном сердце и искусственной печени. Интересно, как меня собираются собирать обратно, если не работает ни один орган? Не могу же я плавать здесь вечно!»

Сознание отключилось, а когда он пришел в себя снова, судорога мышц уже отпустила, а «газировка», залитая внутрь тела, лопалась своими пузырьками совсем не болезненно. Так, слегка. Будто руку во сне отлежал. Матях попытался пошевелиться, и теперь конечности успешно подчинились. Более того – он начал себя ощущать. Откликались сгибаемые и разгибаемые пальцы ног, икры, а пальцами рук он даже смог потереть друг от друга – и почувствовал соприкосновение подушечек! Волна радости погасла в быстро туманящемся сознании, и когда Андрей пришел в себя в третий раз, никаких болезненных ощущений более у него не имелось.

Жидкость, в которой плавало тело, начала нагреваться – все сильнее и сильнее, под спину уперлась мягкая подушка. Сержант с удивлением понял, что его извлекают из ванны. Грудь уперлась в крышку, голову резко наклонило вперед, послышался резкий свист. Легкие резануло острой тяжестью – словно сразу со всех сторон надавило мощным прессом. Матях застыл – и как только тяжесть исчезла, сделал свой первый судорожный вдох. Тут же трубка выскочила изо рта и он громко закашлялся. Наружу полетели вязкие желтые капли, похожие на подсолнечное масло, но пахнущие лавандой. Изо рта вырвался морозный пар.

– Так мне холодно или горячо? – переставая что-либо понимать, простонал пограничник и... снова потерял сознание.

Когда Андрей Матях проснулся, он почувствовал, что на глазах лежит какая-то тряпка. Сержант дотянулся до нее рукой, небрежно откинул в сторону. Тут же по векам ударило ослепительным светом.

– Приснится же такое! – пробормотал он, усаживаясь на койке. – Кто сегодня в наряде? Почему не разбудили?

Потом Андрей понял, что почему-то совершенно раздет – а спастись голыми у них на заставе было как-то не принято. В голове промелькнула слабая надежда: он уже на дембеле, валяется дома на диване и смотрит кошмары о прошлой службе? Затем Матях открыл глаза.

В паре метров перед ним стояла бревенчатая стена, на которой висело несколько костюмов. Обычная полевая хэбэшка, зимний комплект из ватных штанов и куртки с меховым воротником, кальсоны с белой нижней рубахой, и здесь же, почему-то – немецкая форма времен второй мировой войны.

Андрей чертыхнулся. Ему показалось, что сон все еще не закончился, и если чуть-чуть подождать, то разум окончательно прояснится и перенесет его в мир реальности. Однако минута проходила за минутой, а стена впереди продолжала оставаться бревенчатой, потолок – единой светящейся панелью, постель – по виду грубо сколоченный топчан, на ощупь – нечто мягкое, как поролон. Окон в помещении не имелось вовсе, дверей тоже. Земляной пол излучал нежное приятное тепло.

– Вот черт! – сидеть надоело, поэтому Матях поднялся, натянул кальсоны с рубахой, поверх надел хэбэшку без знаков различия. Подпоясался ремнем. Вся остальная одежда мгновенно исчезла, а вместе с ней – и сама стена. Перед сержантом открылась обширная, залитая белым светом комната с круглым столом посередине. Здесь находились его ребята, давешний лейтенант, а так же несколько чудиков, одетых под немцев.

– Слава Богу, живы! – не удержавшись, Андрей подбежал к подчиненным, сгреб сразу обоих мордвинов. Потом, отдельно, обнял Колю Харитонова: – Целы значит? Ну, тогда все хорошо. Мы где находимся? Что это за ванна была? Меня что, ранили?

– Хрен тут чего разберешь, командир, – пожал плечами Смирнов. – Мы с Витей сами только вчера проснулись. Потом эти фрицы появились, потом Харитон, лейтенант. Ну, и вы тоже. Кормят, вроде, нормально. Но пока ничего не объясняют. В Москве мы, наверное. Где еще такие устройства быть могут?

– Внимание! – Свет мигнул и зажегся снова. – Подойдите к столу и приступите к трапезе. Вы получите полностью сбалансированную пищу.

– Вот, – кивнул Смирнов. – Роботы одни и компьютеры. Точно Москва. Не в Японию же нас занесло?

– Passen Sie zum Tisch. Sie bekommen Sie die vollstndig ausgeglichene Nahrung, – повторил голос на немецком языке. Правда, на этот раз свет не мигал.

– Сейчас какой-нибудь слизью накормят, из витаминов и протеина, – предположил Харитонов, но ошибся. Над поверхностью стола прокатилась волна, словно от горячего воздуха, и на столешнице обнаружили овальные тарелки, на которых парило горячее картофельное пюре, присыпанное с краю крупным зеленым горошком, а рядом – пара ровненьких толстых бифштексов.

Матях ощутил, как рот его моментально наполнился слюной, и решил отложить все вопросы на потом.

– Точно, Москва, – кивнул Новиков. – Еда, как из ресторана.

– Uber welches Moskau sprechen sie die Zeit? – достаточно громко высказался один из одетых в немецкую форму солдат.

– Ich kenne nicht. Kann, es ist die Polizisten des Teiles? – пожал плечами другой и прямо обратился к Матяху: – Sie woher, Russisch?

Сержант пожал плечами, уселся за стол, придвинул к себе тарелку и принялся торопливо наворачивать картошку и горох алюминиевой ложкой – других столовых приборов все равно не имелось. Следом за столом расселись и все остальные.

– Скажите, лейтенант, – осторожно поинтересовался Матях. – Вы знаете, куда мы попали?

Офицер, разламывая ложкой бифштекс, пожал плечами.

– А это не связано с тем, что вы у нас на заставе делали?

– А разве я чего-нибудь делал?

– Вы с нами зачем пошли, товарищ лейтенант? С каких это пор в пограничный дозор наблюдателей из штаба отправлять стали? Как на заставу попали? Вертолета я не слышал.

– На машине приехал. А дальше по ущелью пешком.

– На машине? – недоверчиво прищурился Матях. – В одиночку, через всю Чечню?

– А что в этом такого? – пожал плечами офицер. – Я русский воин. Что мне какие-то басурмане сделать могут? Это же просто тати. Разбойники.

– Странно все это, лейтенант. И вы странный, извините за прямоту, и появились странно. И теперь еще это... – Матях развел руками.

– Успокойся, сержант. – Лейтенант оторвался от еды и повернул голову к Андрею. – Потерпи пару часов. Думаю, очень скоро все разъяснится.

– Значит, вы все-таки знаете, что все это значит?

– Потерпи, сержант, – повторил офицер и снова вернулся к еде.

Матях, вздохнув, доел мясо, запил его стаканом сока, по вкусу напоминавшего персиковый, передернул плечами и привычно окинул взглядом подчиненных: не пора ли давать команду встать из-за стола?

– Больные! – оборвал его раздумья мигнувший свет. – Вы должны вернуться в свои комнаты и лечь на постель. Вам будут введены знания тюркского и русского языков. Die Kranken! Sie sollen in die eigenen Zimmer und Zu liegen auf das Bett zurckkehren. Ihnen werden die Kenntnisse der Тыrkisch und der russischen Sprachen eingefhrt sein.

– Что значит «введены»? – удивленно поднял голову к потолку Харитонов. Среди солдат вермахта тоже наблюдалось некоторое недоумение.

– Ну, пока еще нас никто не калечил, а наоборот, лечили, – поднялся из-за стола лейтенант. – Наверное, не для того, чтобы угробить по дурости. Давайте, ребята, по койкам.

Офицер первым ушел в одну из комнат – вместо дверей тотчас образовалась бревенчатая стена.

– Ладно, ребята, раз так нужно... – Матях направился к «своей» конурке, лег на непривычно мягкий топчан. Стрельнул глазами влево-вправо, ожидая, что сейчас откуда-нибудь вылезет мощный футуристический агрегат. Но вместо этого голову внезапно бросило в жар, на миг он ощутил свой разум отстраненным, и даже вроде как увидел свое тело со стороны. Тут же странное ощущение прошло.

Сержант рывком сел, прижал пальцы к вискам, пытаясь заметить изменения в сознании. Изменений не ощущалось, зато пришло понимание того, что они находятся явно не в Москве. «Внедрение» языков, исчезающие и появляющиеся стены, вырастающая из ничего еда. Вряд ли подобное возможно даже в Москве... Или уже возможно?

– Процедура окончена. Выходите в центральный зал. Die Prozedur ist beendet. Kommen Sie in die zentrale Halle heraus.

Стена исчезла. Матях медленными шагами вышел к столу. Со всех сторон в помещение с такой же неуверенностью выбирались остальные обитатели странного места. Похоже, не только у сержанта развеялись последние иллюзии относительно того, что они находятся не дома.

– Сядьте, *собратья*. Сейчас с вами станет говорить *хан замысла*.

Слова прозвучали не на русском и явно не на немецком языках – но Андрей понял все. И почувствовал, что может ответить на точно таком же наречии.

«Кто-то действительно поковырялся в наших мозгах», – попытался для пробы сказать он, но вместо этого прозвучало:

– Чужак копал яму в нашей голове...

– Он оторвал память, – ответил Новиков.

– Это османский язык? – спросил один из немцев.

– Хватит трепаться и садитесь за стол, – предложил лейтенант. – Нам обещали показать руководителя проекта.

– А это какой язык? – Матях уловил, что обращение офицера прозвучало несколько иначе, чем речь всех остальных.

– Вы что, русский позабыли? – рассмеялся офицер. – Теперь только на татарском болтать собираетесь?

– Я вас понимаю! – воскликнул все тот же немецкий солдат. – Значит, я действительно понимаю славянский язык?

– Русский, – поправил его Матях.

– Какая разница? Русский, болгарский, литовский. Все одно, недочеловеки. Это вам надле... – Его речь оборвалась на полуслове, поскольку лейтенант без предупреждения врезал пехотинцу кулаком в челюсть.

– Ты как разговариваешь в присутствии хозяев, немецкое отродье? – рыкнул офицер. – Тебя для чего звали? Проповеди читать?

– Славянское быдло! – Рука немца зашарила на поясе, но ничего там не обнаружила. – Да я...

– Ты заткнешься, сморчок европейский, и будешь дожидаться команды, чтобы разговаривать, – с усмешкой объяснил ему лейтенант. – Тоже мне, ариец выискался.

– Das schandliche, schmutzige Schwein!

– Сперва руки после сортира мыть научитесь, а потом к русским с советами подходите.

– Займите места за столом! – потребовал голос, мигнув светом. – К вам входит руководитель проекта.

На этот раз обращение прозвучало точно по-русски. Лейтенант и немец, который вытирал стекающую из уголка рта кровь, разошлись, угрюмо поглядывая друг на друга. Все расселись по полупрозрачным креслам. На несколько секунд наступила тишина. Затем свет мигнул в очередной раз, и в центре стола оказалось странное существо. Именно существо – на человека оно походило только отдаленно. Те же две руки и две ноги – но необычайно тонкие, и даже легкая, опадающая складками ткань длинного, до пят, балахона не могла скрыть невероятной худобы. Столь же болезненно изможденным выглядело и тело, напоминая увеличенную в двадцать раз куклу Барби. Голова на этом фоне выглядела вполне нормальной: светло-голубые глаза, коротко стриженные волосы, тонкий острый нос, чуть синеватые губы. Вот разве только росту в госте имелось никак не меньше двух с половиной метров.

– Вот блин! – выдохнул Харитонов. – Так значит, нас пришельцы похитили? А это все НЛО?

– Мы не пришельцы, – мягко, даже вкрадчиво ответило существо. – Мы земляне, люди. Относимся к роду *homo sapiens*. Можно сказать, от вас всех мы отличаемся только расой.

– Славяне? – грубо поинтересовался немец, облизывая разбитую губу.

– Частично, – слегка склонил голову гость. – Наша раса произошла благодаря смешению вас, европеоидов, и восточно-арабских народов.

– И когда произошло это смешение? – шевельнулось в душе Матяха нехорошее предчувствие.

- Давно, – уклончиво ответил гость.
- Это ложь! – вскочил со своего места немец. – Арийцы никогда не могли испортить свою кровь арабской грязью!
- Но... – явно смутился гость, – разве арабы и арийцы это не одна раса?
- Немец вякнул что-то непотребное, дернулся вперед, пытаясь дотянуться до существа, – по балахону гостя побежала светлая волна, и пехотинец, болезненно вскрикнув, отдернул руку:
- Das Vieh! Feig Schafbock!
- То есть, мы находимся в будущем? – сформулировал свою мысль Андрей.
- Die Zukunft gehcrt Deutschland! – буркнул немец, но внимания на него никто не обратил, даже свои.
- Да, – кивнул гость.
- Вот блин, – схватился за голову Харитонов. – Уж лучше бы пришельцы! А домой нам попасть никак нельзя?
- Как мы здесь оказались? – перебил его один из немцев.
- Вы найдены на ледниках Восточного хребта сто сорок лет назад и хранились в холодных витринах музея Улугчата, – сообщил гость. – Судя по одежде, а также по обнаруженному при вас оружию, вы являетесь воинами. В связи с последними открытиями в архивах Ахеминидов, Малая Академия Земли приняла решение о вашей реанимации.
- Какой же сейчас год? – спросил Смирнов.
- Триста седьмой год пятой эры Земного цикла.
- Это... Какой же, если от рождения Христа считать? – попытался уточнить немецкий пехотинец.
- Христианство? – Гость задумчиво склонил голову набок. – Эпоха единобожия? Это было давно.
- А как давно?
- Это не важно. – И, видимо желая прекратить расспросы раз и навсегда, человек из будущего сообщил: – По мнению специалистов по архетипам древности, знание о том, как далеко во времени вы находитесь, а также знакомство с современной цивилизацией необратимо разрушит вашу психику.
- Нам, что же, остаток жизни в этой тюрьме сидеть придется?
- Нет, *сородици*. Мы приняли решение реанимировать организмы, не получившие фатальных повреждений за время холодного хранения или в момент смерти, не имея в виду *пребывание образцов в замкнутом пространстве*. – Гость остановился, подумал, потом уточнил: – Вы меня поняли?
- В общих чертах, – кивнул лейтенант.
- В связи с недавно случившимся открытием, нам потребовался homo sapiens определенной внешности и правильного архетипа. Таким образом, я хочу задать вам вопрос: вы действительно являетесь воинами?
- Кому интересно, имею честь представиться, – прикомандированный к отряду Матяха офицер поднял руку. – Лейтенант Любченко, войска связи Северо-Кавказского военного округа. Несколько басурман на своем послужном счету имею.
- Капитан сто первого отдельного горного егерского батальона Герман Айх, – поднялся со своего места немец с разбитой губой. – Эти трое солдат – мои подчиненные. А это, значит, все-таки не полиция, а недоноски, которые противятся войскам вермахта?
- Не противятся, а противились, – хладнокровно возразил лейтенант. – Да настолько удачно, что весной сорок пятого наши деды взяли Берлин, а Гитлера и его проститутку повесили на осине в зоопарке.

– Ты лжешь! – Капитан перепрыгнул стол и обрушился на русского офицера. Однако тот в последний момент успел отклониться, стремительным ударом смахнул немца на пол, сел сверху и несколько раз с видимым удовольствием врезал ему кулаком по зубам.

Пехотинцы вермахта неуверенно дернулись, но Матях грозно поднялся со своего кресла, широко развернул плечи и, указав на них пальцем, скомандовал:

– Сидеть!

Капитан Айх обмяк. Лейтенант поднялся с него, улыбнулся внимательно наблюдающему за схваткой гостю:

– Извините. На чем мы остановились? Ах, да. Сержант, представьтесь.

– Андрей Матях, командир взвода. Погранвойска. Эти трое ребят – мои бойцы.

– Я удовлетворен, – степенно кивнул гость. – Ваш архетип соответствует заданному. Надеюсь, капитан Герман Айх сможет занять место за столом?

Человек из будущего наклонился вперед, протянув свою истонченную руку к потерявшему сознание немцу. Капитан застонал, качнул головой, после чего поднялся и действительно побрел к своему креслу.

– Посмотрите сюда, *сородици*. – «Руководитель проекта» выпрямился во весь рост, раскрыл правую ладонь. На ней блеснул множеством граней голубоватый камень, похожий на песочные часы: два цилиндрика, соединенные тонкой перемычкой. В длину камень имел сантиметров пятнадцать, в диаметре – сантиметра полтора. – Это устройство называется «кастинг», *сородици*. Оно предназначено для длительного хранения больших объемов информации. Используется в сложных автономных псевдоразумных системах, крупнотоннажных транспортных, глубоких исследовательских зондах.

Гость сжал кулак.

– При сортировке нашими студентами архивов рода Ахеменидов, в Джахруме, обнаружилась записка купца, сообщавшего знакомому о неудачной торговле с ханом Кубачбеком на берегу Волги, неподалеку от горы Большое Богдо. Хан хотел продать купцу крупный самоцвет, по описанию в точности соответствующий кастингу. Однако ногаец запросил за камень слишком большую цену. Встреча случилась в первых числах июня девятьсот тридцать первого года.

– В десятом веке? – переспросил капитан Айх.

– Вряд ли, – мотнул головой Матях. – Купец-то, похоже, из Персии. Значит, года по мусульманскому обычаю считал.

– Дата рассчитана с высокой степенью точности, – сообщил гость. – Ученые Малой Академии считают, что упомянутый купцом камень является одним из утерянных кастингов с глубоких зондов.

– А что такое «глубокий зонд»?

– Вам не нужно интересоваться столь сложными темами, – мягко пожурил гость. – Многие аспекты деятельности современной цивилизации трудны для понимания людьми вашего архетипа.

– Тогда зачем вы нас оживляли?

– С момента упоминания кастинга в девятьсот тридцать втором году его следы окончательно теряются. Между тем, он крайне интересен, а может быть и важен для современной науки. Мы бы хотели получить его в свое распоряжение. – Человек будущего широко развел руки и дружелюбно улыбнулся. – Вы должны понять, что любому представителю нашей расы будет трудно не привлечь к себе внимания в прошлом, о чем-то там договариваться или использовать иные... э-э-э... методы убеждения. Кроме того, наши морально-этические принципы и господствующая ментальность крайне не допускают насилия, а упомянутое время очень и очень жестоко.

– Короче, – подвел итог лейтенант, – вы хотите, чтобы мы нашли этот самый «Кастинг» и привезли его вам?

– Да, – с видимым облегчением кивнул гость. – Мы внимательно исследовали имевшееся при вас снаряжение и готовы дублировать его в необходимых для выполнения проекта количествах.

– А вашу ментальность и морально-этические принципы не сильно смутит тот факт, что мы почти наверняка используем полученное оружие?

– Этот поступок будет соответствовать обычаям того времени и вашей ментальности, – с готовностью сообщил человек будущего. – К тому же, если вы захотите, то можете ограничиться бескровными действиями.

– Понятно. Вы просто собираетесь спихнуть грязную работу на нашу совесть.

– Если вы доставите кастинг сюда, мы выделим вам для проживания обширный остров на планете земной группы. Там, так же как и здесь, постараемся обеспечить привычные для вашего проживания условия. Думаю, мы даже сможем обеспечить вам качественные имитаторы женщин, предметы роскоши и развлечения.

– А вернуть нас назад, в наше время нельзя?

– Мы предвидели этот вопрос. Против возвращения вас к моменту замерзания возражает большинство специалистов по зондированию времени. Они опасаются возможных волновых макроскопических последствий. Но на острове вы сможете находиться в полной изоляции от воздействия нашего мира, в полной безопасности и в полном комфорте.

– А чем вы докажете, – поинтересовался Новиков, – что действительно дадите нам остров, а не пристрелите сразу после возвращения назад?

– Вы, уважаемые *сородичи*, – вежливо склонил голову гость, – интересны нам сами по себе благодаря своей памяти, образу мышления, верованиям. Кроме того, успешное завершение одного проекта может повлечь появление других.

– А если мы не найдем вашего «Кастинга»? – угрюмо спросил капитан егерей.

– Найдете, – уверенно кивнул человек из будущего. – Мы вернем вас сюда только после того, как устройство памяти будет совмещено с *инициатором возврата*.

– Остается спросить только одно, – вздохнул лейтенант. – Что будет, если мы откажемся?

– Ничего, – покачал головой гость. – Мы вернем отказавшихся в первоначальное состояние.

– То есть, заморозите?

– Вернем в первоначальное состояние, – вежливо повторил человек из будущего.

– У вас просто великолепный менталитет! – восхитился офицер.

– Благодарю вас, – не ощутил гость в его словах никакого сарказма.

– Мы хотя бы связаться со своим прошлым можем? – спросил, глядя в стол, Герман Айх. – Послать письмо матери, передать рапорт командующему группировкой.

– Нет. Вас в прошлом более не существует.

– Кто будет командовать операцией? Каковы ее сроки, обеспечение, общий план действий?

– Вы же все воины, *сородичи*. Мы предполагали, что эти вопросы вы сможете решить сами и сообщить результаты обсуждения нам. Надеюсь, одного дня вам хватит, чтобы полностью проанализировать этот вопрос, – театральным жестом развел руками гость и исчез.

В зале повисла тяжелая тишина.

– *Der Striche genommen!* – недовольно пробормотал немецкий капитан.

– Значит, домой мы уже не доедем? – неуверенно предположил Смирнов.

Матях ощутил в глубине своей души острую, нестерпимую боль несправедливости и со всей силы грохнул кулаками по столу:

– Три месяца до дембеля! Не могли весны подождать, сволочи?!

– Какой весны? – дернулся от неожиданности Харитонов.

– Следующей! Нас ведь всех лавиной накрыло, ты что, не понял? Из-за того долбаного гранатометчика!

– А мы значит, замерзли на перевале? – сообразил один из немецких егерей.

– Получается, так, – кивнул лейтенант, откинувшись на спинку и постукивая пальцами по столу. – Ты знаешь, немец, соврал я тебе про Гитлера. Не повесили его. Сам отравился вместе с Еленой Браун, когда наши Берлин обложили.

– Ты врешь, славянский ублюдок! – злобно зарычал Айх, но на этот раз в драку не кинулся.

– Чего врать-то? – без всякой обиды пожал плечами офицер. – Первый раз, что ли? Сколько раз русские Берлин брали? Четыре? Пять? При Фридрихе брали, при Наполеоне брали, при Бисмарке... Нет, Бисмарк с нами не воевал, ума хватило. При Гитлере еще раз брали. Так что вам не привыкать, нечего ерепениться. И в лоб вам сколько раз давали, когда вы просто так лезли? Самое смешное, в промежутках между войнами вы же у нас всегда наемниками служили. Опричников вон – половина из немцев была набрана. И ничего служили, труса не праздновали. Вообще, кроме русских и немцев, в мире приличных воинов нет. Непонятно только, почему мы все время друг с другом сцепиться норовим.

– Получается, капитан, – отвлек командира пехотинец вермахта, – отвоевались мы? Все?

– А может, так оно и лучше? – добавил другой. – Я в этих горах уже раз десять почти умер. Лучше уж разом.

– Как вы можете?! – вскочил капитан. – Там ваши братья кровь за фюрера...

– Да не проливают уже давно! – осадил его пыл лейтенант. – При нас и то полвека уже прошло. А сейчас и подавно. Вы свои жизни на алтарь поражения уже сложили, можете радоваться.

– Вы тоже из списков выбыли, – огрызнулся немец.

– Тут вам намного легче, – вздохнул офицер. – С вами все уже ясно. Пятьдесят лет прошло, Германия снова самым мощным государством Европы стала. А нас, может, годиков через пять после смерти Явлинский какой-нибудь америкосам продаст. Так и не узнаем. У этих «барби» хрен какой информации выпросишь.

– Интересно, сколько же лет прошло? – покачал головой Смирнов.

– Сколько? – Матях прищурился, вспоминая все, что знал по истории. – Говорят, средневековые доспехи современному человеку сантиметров на двадцать малы. Наш хозяин выше нас не меньше, чем на полметра, а то и больше. Получается, тысячу лет мы дохлятиками провалялись, а то и полторы.

– Что же они ничего про себя рассказать не хотят? Заперли в четырех стенах, даже окон нет. Может, обманывают?

– А ты сам подумай, – предложил Андрей. – Что, если дикаря из каменного века вдруг к нам в метро засунуть? Или средневекового монаха бросить посреди оживленного проспекта? Если сразу от страха копыта не откинет, то уж крыша точно съедет. Так что, не врет хозяин, наверное. Берегут. Коли бунт устраивать, себе дороже выйдет. Нам в этом мире наверняка не выжить.

– Предлагаете, товарищ сержант, про все забыть, поднять лапки и хвостиком завилать, как диким зверям в вольере? – неожиданно жестко высказался Харитонов.

– Так выбор-то небогатый, – усмехнулся лейтенант. – Или на остров, на пляж возле моря; в избы с автоматическими дверьми и подогреваемым земляным полом... Или в музейную витрину в качестве мороженой тушки. Нам тут жизни, кроме как лабораторными мышами, нет. Да и ту, кстати, еще заслужить надо. Торописья второй раз умереть?

– Странно это, – покачал головой один из егерей. – Столько лет пролежал мертвым, а души матери так и не увидел.

– Пути Господни неисповедимы, – развел руками лейтенант. – Может, Бог предвидел, что эта смерть еще не окончательная.

– Я не верю! – уверенно заявил капитан. – Этого не может быть! Это невозможно!

– А в стол этот ты веришь? – ответил ему лейтенант. – В говядину, что всего час назад с него жрал?

– Что ты можешь понимать, – вскочил командир егерей, – недочеловек!

– Заткнись, или я сверну тебе шею, немец вонючий, – тихо, но уверенно предложил офицер. – Ты еще не понял, что все мы теперь в одной лодке? Хочешь сдохнуть – могу организовать. Благо никто ругать не станет. У нас всех архетип такой, нам можно. А вот егеря твои, может, предпочтут еще немного пожить.

– Это *мои* солдаты! – грохнул ладонями по столу капитан. – Они клялись в верности фюреру и воинской присяге!

– Нет больше фюрера, – пожал плечами лейтенант. – И родине свой долг они уже отдали. Остались только двое – Жизнь и Смерть. Так что хватит пустой болтовни, нужно сделать очень простой выбор. Мне больше нравится жить, поэтому я в этот чертов шестнадцатый век отправлюсь. А ты чего хочешь, сержант?

– Я? – Матях поморщился. Желаний у него имелось много, но все они не имели к предложенному выбору никакого отношения. Больше всего душа просилась домой. Обнять мать, сверкнуть лычками во дворе, выпить с однокашниками, что тоже должны через несколько месяцев вернуться со службы. Хотелось поиграть с компьютером и сходить в ночной клуб. А получалось, под нос суют нечто совсем другое, явно не первой свежести. И отказаться от этого невозможно, как салабону от чистки сортира. Потому что никак. – Я тоже пойду. Куда деваться?

– Ты, солдат?

– Ну, – пожал плечами Харитонов. – Если между морозильником и островом с девочками выбирать, то остров, конечно, лучше.

– Дальше.

– Мне легче, я всю жизнь мечтал на тропическом острове пожить, – заявил Новиков.

– А телевизор там будет? – попытался уточнить Смирнов.

– А если нет?

– Все равно согласен, – махнул мордвин рукой.

– Решайте, капитан, – повернулся к немцу офицер. – Вы с нами, или со смертью?

– Der Gott, wofür sendest du mir solchen Test...

– Оставьте, капитан. Вы никого не предаете. Речь идет не о фюрере, и не о Германии, а только о четырех человеческих жизнях.

– Прежде всего, – вздохнул немец, – как я заметил, вы находитесь в чине лейтенанта. Поскольку я старше вас по званию, то командовать здесь надлежит мне, а никак не вам.

– Если вы с нами, – развел руками офицер, – тогда разумеется.

– Но лейтенант! – возмутился Матях, которого до глубины души шокировала возможность того, что ему будет приказывать иноземный командир.

– Это действительно так, Андрей, – резко повернулся к нему лейтенант. – Он на самом деле капитан. А вы сержант. А я – нет. Все правильно. Так и должно быть.

– Хорошо, – с явным облегчением кивнул Герман Айх. – Итак, перед нами поставлена задача добыть у противника *хранитель документов* ...

Матях мотнул головой. Он точно помнил, что человек из будущего говорил про «носитель информации». Или, каждый человек воспринимал речь на том уровне, который ему доступен?

– Поскольку *хранитель* имеет малый размер и находится в неизвестном месте, нам потребуется много времени на его поиск. Значит, стойбище поволжских кочевников необходимо

полностью захватить под свой контроль и удерживать не менее дня. Для выполнения задачи придется полностью уничтожить всю охрану и живую силу противника. Вы что-то говорили про шестнадцатый век, сержант?

– Я? – Матях далеко не сразу сообразил, что обращаются именно к нему. – Да, это так. Насколько я помню, разница между мусульманским и христианским летоисчислением составляет примерно шестьсот лет.

– Благодарю вас, сержант. По всей видимости, противник представляет из себя обычное кочевье степных дикарей. Вряд ли в нем наберется больше сотни способных к сопротивлению солдат. В такой ситуации их лучше всего сразу подавить огнем и напором, выбить всякую мысль о возможности сопротивления. В идеале: забросать скопления воинов гранатами. После того, как среди дикарей возникнет паника, расстрелять остальных из автоматов и сразу уничтожить возможные узлы сопротивления, пока противник не успел организовать оборону. Захватив стойбище, начнем планомерный поиск. Вопросы есть?

– Есть, капитан! – поднял руку лейтенант. – Там же степь. Незаметно к стойбищу не подойти. Все во все стороны на десяток километров видно. С такого расстояния гранатами не накидаешься.

Матях представил перед собой серый однообразный простор, редкие кустики, тянущихся возле самого горизонта верблюдов, сидящих возле потертого шатра нищих пастухов...

– Знаю! Нужно переодеться нищими. Прикинуться слепцами, которые бредут гуськом один за другим, приблизиться к стойбищу. Потом скинуть лохмотья и открыть огонь. Кочевники ничего не заподозрят. У нас ведь ни копий, ни мечей не будет. А для чего нужны автоматы, они не знают.

– Молодец, сержант, – похвалил его капитан. – Будем считать, что план действий составлен и одобрен. Нам потребуется минимум по четыре гранаты на каждого, автоматы, по десятку рожков. На всякий случай каски, ножи.

– И «броники» бы хорошо, – добавил Харитонов. – Отличная вещь. Пулю, может, и не всякую держат, но от осколков спасают.

– И мой кистень пусть отдадут, – добавил лейтенант. – Я без него себя голым чувствую.

Глава 3

Стойбище

Прохладная ночная степь пахла заброшенным аэродромом: пылью, сухостью и перегретым бетоном. Да и на ощупь она была точно такая же – жесткая, ровная. Ноги ступали словно по гладко отутюженному камню, из которого местами торчали кочки шуршащей от ветра травы.

– Ровная, как стол, степь, – негромко произнес Матях набившую оскомину фразу, обнаруженную им в десятках книг, действие которых хоть ненадолго переносилось в подобную местность. Он сплюнул и поддернул перекинутый через плечо автомат.

Человек из будущего с готовностью удовлетворил все требования по оружию и снаряжению. Бойцы получили отлично выделанные ботинки, подбитые ватином костюмы из плотной ткани маскировочного оттенка, привычно тяжелые «броники». Практически в точности были скопированы штатные жилетки пограничника – с застёжками на липучках, множеством карманов для обойм, гранат и прочего снаряжения. Каждый получил по длинному вороненому ножу. На таком, не дающем бликов, клинке настоял немецкий капитан, хотя с самого начала они решили, что штурмовать татарское стойбище будут днем – ночью у плохо вооруженных туземцев может появиться шанс незаметно подкрасться к кому-то из бойцов, да и кастинг во мраке искать будет трудновато.

Правда, по части автоматов мнения немцев и русских разошлись. Егеря потребовали себе привычные «шмайссеры», пограничники – «калашниковы» со складными прикладами. Из еды ограничились парой банок «тушенки» на нос и флягой с соком: задерживаться в далеком шестнадцатом веке никто не собирался. Зато патронами и гранатами воины и двадцатого, и двадцать первого столетия забили все карманы, набрав килограммов по десять, не меньше.

Подготовка заняла три дня. Никаких боевых тренировок, естественно, не производилось – оживившие древних воинов ученые считали, что те и так умеют все, что нужно. «Ударной группе» дали возможность чуть-чуть отдохнуть, подкрепиться, пока местные мастерские выполняют их заказ, после чего «руководитель проекта» вручил Герману Айху устройство, похожее на толстый кожаный наруч с длинной выемкой.

– Найденный кастинг необходимо вложить сюда, в паз, – пояснил человек из будущего, – и вы сразу вернетесь к нам. Производить тестирование желательно ночью. Солнечная радиация искажает топологические данные прибора. По выключении света начинайте двигаться вперед. Вы окажетесь в оговоренном архивными документами месте.

Все это «руководитель проекта» говорил в общей зале, стоя рядом со столом. Пограничники и бойцы вермахта уже успели полностью одеться и вооружиться, построившись в два ряда – как и положено настоящему боевому подразделению. Неожиданно потолок комнаты потемнел. Матях ощутил острый приступ тошноты – мгновением спустя в лицо пахнуло свежестью. Потом в разрыв между облаками выглянула полная луна.

– Похоже, мы на месте, – первым пришел в себя немецкий капитан. – Построиться в колонну по двое. За мной, шагом марш!

Звезд на небе не появлялось вообще ни одной, но вот желтое ночное светило время от времени выглядывало между темных туч. В его неясном свете становилось видно, как земля постоянно либо приподнимается, либо уходит вниз – так что на самом деле степь не такая уж и ровная, а состоит, скорее, из бесконечного количества очень пологих холмов высотой не больше человеческого роста. Растительности здесь тоже имелось в достатке – но она давно выгорела, полегла, превратилась даже не в солому, а в невесомую труху. Уцелели только скелетообразные перекасти-поле, пронсящиеся поперек пути со скоростью взбесившегося мотоциклиста, да редкие кочки с высокими колосками ковыля.

Кто-то вскрикнул, и отряд остановился.

– Was geschehen hat, Albert? – недовольно поинтересовался Айх.

– Нога в нору попала, – по-русски ответил егерь и тихо застонал.

– Zu sehen es notwendig!

– Капитан, огонь слева!

Матях повернул голову и тоже увидел вдалеке крохотную красную точку.

– Похоже, это и есть то самое стойбище, – тихо сказал он.

– Вижу, – перешел на русский язык их командир. – Думаю, тут километров пять. За час доберемся.

Немец что-то негромко пропел себе под нос, повернулся к пострадавшему:

– Gehen Du kannst?

– Похоже, просто вывих, господин капитан. Несколько минут, и станет легче.

– Хорошо, слушай мою команду: в один ряд... стройся!

Русские и немецкие бойцы привычно разобрались плечо к плечу.

– Подпрыгнуть по очереди! – Генрих Айх пошел вдоль строя, прислушиваясь к звукам.

От сотрясения шуршала ткань, гулко отзывалась почва, но никаких стуков или звяканья не доносилось. – Отставить прыжки! – Капитан покрутил головой из стороны в сторону: – А где русский лейтенант? Кто видел его в последний раз?

Бойцы молчали.

– Hier der Dummkopf! Dhnlich, hat sich in der Dunkelheit verirrt! – зло сплюнул немец. – Ладно, сам виноват, славянин. Ждать и искать никого не чтанем. Слушай мою команду. Учитывая облачность и плохую видимость на местности, я принял решение отказаться от предыдущего плана. Местоположение противника обнаружено. Сейчас мы скрытно приблизимся к его охранению и зальжем на расстоянии броска. С рассветом по моей команде начинаем атаку, забрасывая посты и укрытия туземцев гранатами, после чего открываем огонь из автоматического оружия по живой силе. После того, как дикари разбегутся, выставляем охрану и производим обыск захваченного имущества. Найдя *хранитель документов*, отступаем в степь, занимаем круговую оборону и дожидаемся темноты. Затем возвращаемся на базу. Вопросы есть? Альберт, как твоя нога? Идти можешь?

– Да, господин капитан.

– Больше никаких разговоров, солдаты! Мы находимся вблизи расположения противника. Сержант, в отсутствие лейтенанта назначаю вас своим заместителем.

– Есть, товарищ капитан! – отозвался Матях.

– Hier, der Striche! – сплюнул в ответ немец. – За мной, в колонну по одному, шагом... Кто еще ногу подвернет – чтобы не звука! Пошли.

Айх остановил отряд, подведя его почти вплотную к костру, что тлел меж двух одетых в плотные стеганые халаты татар. Матях с такого расстояния мог не только различить усы на их лицах и отблески огня в глазах, но и почувствовать горьковатый запах горелого жира и застарелого пота, исходящий от степных обитателей. Один из охранников тихо скулил, мерно покачиваясь из стороны в сторону, второй полировал тряпицей длинную, круто изогнутую саблю. Посланный из будущего отряд, развернувшись в цепочку, залег – в тот же миг степняк, чистивший саблю, настороженно поднял голову и попытался взглянуть в темноту. По счастью, луны в этот миг на небе не появлялось, а потому заметить хоть что-нибудь он никак не мог.

Андрей Матях положил автомат рядом с собой, плавно, не производя ненужного шума, перевернулся на спину, подставив лицо легчайшей мороси, что медленно оседала с неба. За время службы на грузинской границе ему довелось участвовать не меньше, чем в полусотне стычек, но он так и не смог привыкнуть к томительному ожиданию неизбежного боя. Почему-то каждый раз, даже зимой, начинало гореть лицо, и его очень хотелось натереть снегом или макнуть в миску с перемешанной со льдом воды.

«Зато я не боюсь...» – пытался утешить он сам себя, представляя со стороны, как с каждой минутой его ряха наливается красным цветом.

В этот момент сержант сообразил, что начинает различать в вышине тяжелые гроззовые облака, перемежающиеся с более светлыми, но рваными тонкими клочьями, проносящимися ближе к земле.

– Этак нас и заметить недолго... – Он нащупал автомат, подтянул его на грудь, плавно опустил вниз флажок предохранителя, оттянул затвор и повернулся обратно на живот. Потом извлек из нагрудного кармана гранату, приготовившись сорвать чеку.

– Оружие к бою, – не очень громко, но внятно скомандовал капитан. – Приготовить гранаты.

Татары у костра насторожились. Тот, что напевал, даже встал, оглядывая степь. Матях понял, что сейчас всех их заметят, но теперь это уже не имело особого значения. В предрассветных сумерках проступало стойбище – до него оставалось еще метров двести. Шесть округлых юрт диаметром метров по семь, несколько баранов, связанных одной веревкой, тощая псина, развалившаяся возле огромного перевернутого казана.

– Стрельцы!

Андрей, выпрямляясь во весь рост, рванул большим пальцем кольцо гранаты, и с широким размахом швырнул килограммовую чушку степнякам под ноги.

– Vorwrts! Schnell! Das Feuer! – заорал капитан.

Татары подхватили с земли копы с цветастыми кисточками под остриями, и в этот момент брошенная сержантом РГО коснулась земли у их ног. Инерционный взрыватель сработал безукоризненно – по ушам словно ударило молотком, в стороны метнулись комья грязи, алые черточки углей. Степняки просто исчезли, опрокинутые взрывной волной.

Матях, на ходу выдергивая еще одну гранату, кинулся к стойбищу. Справа, обгоняя его, мчались двое немцев. Позади один за другим громынуло еще два взрыва: похоже, кинуть к костру по «подарочку» успел не только Андрей.

Разноцветные, рыже-черно-пегие шатры быстро приближались. Сто пятьдесят метров. Сто. Пятьдесят. Андрей подумать, что юрты, похоже, укрыты конскими шкурами – и тут из спины ближнего немца вылетела стрела и бессильно упала на землю, даже не вонзившись в нее. Второй остановился, затрепал от пуза из своего «MP-40», поливая свинцом ближний из шатров. А мгновением спустя тоже упал со стрелой в груди. Правда, на этот раз Матях успел заметить лучника: татарин стоял далеко за стойбищем, у второго сторожевого костра, почему-то не замеченного ночью. Наверное, его заслоняло стойбище или огонек был слишком слаб. Андрей чертыхнулся, засовывая гранату назад в кармашек, опустил на колено, подводя мушку прицела степняку в середину живота. Тот тоже наложил на тетиву стрелу. Сержант затаил дыхание и осторожно нажал на спусковой крючок. «Калашников» отозвался короткой очередью – татарин завалился на бок.

Мимо пробежали вперед его ребята – Новиков и Харитонов. Остановились, закидывая гранатами уже изрешеченный немцем шатер. Несколько разрывов разметали обрывки ковров, какие-то рейки, железяки. Харитонов, всплеснув руками, сложился пополам, почти уткнувшись головой в серую землю, немного постоял в такой странной позе, начал оседать.

– Коля! – Матях длинной очередью свалил трех обнаженных по пояс дикарей, бегущих с саблями от перевернутого казана, поменял обойму и тут же ощутил сильный удар в грудь – застряв в уложенных на груди магазинах, из жилетки торчало длинное древко стрелы. – Сво-лочи! Новиков, назад!

Андрей наугад выпустил по стойбищу длинную, во весь магазин, очередь, сбив в пыль еще двух степняков, на этот раз вооруженных копьями. Откуда они берутся? Из-за пологов ведь никто не выбегает! Сержант быстро перезарядил оружие, лихорадочно высматривая татарских лучников. Стойбище выглядело почти нетронутым – один развороченный в клочья шатер, да

пяток полуголых тел на утоптанной земле ощутимым уроном врагу считать было нельзя. Да тут еще возле самой головы зловеще прошелестела стрела, прилетевшая неизвестно откуда.

– Да где же вы, сволочи?! Новиков, назад! Перестреляют, как... – Тут Матях увидел выбежавшего из самого дальнего шатра туземца с луком и сладострастно всадил ему в грудь не меньше десяти пуль – с расстояния в полторы сотни метров Андрей уже давно не промахивался.

– Сержант! – испуганно вскрикнул солдат. Матях повернулся к нему, но Новиков уже падал, пытаясь удержать хлещущую из горла кровь, а жирный голый татарин замахивался саблей на Андрея. Пограничник успел вскинуть оружие перед собой, принимая удар на автомат, резким движением выбросил приклад вперед, нанося удар степняку в висок, потом быстро повернул оружие, нажал спуск. Щелкнул одиночный выстрел, нарисовав татарину на груди аккуратную красную точечку. Дикарь упал. Матях попытался передернуть затвор и только тут разглядел, что между магазином и скобой спускового крючка идет глубокий проруб почти до самой рукояти затвора.

– Вот, блин, попал... – Сержант бросил бесполезное оружие. От стойбища, уже не таясь, к нему бежало никак не меньше полутора десятков татар, вооруженных и копьями, и саблями, и луками. Андрей выдернул из карманов жилетки одну за другой три гранаты, метнул в их сторону. Наклонился к Новикову, подхватил его АКМ, нажал на спуск. Ничего.

По счастью, взрывы не только почти ополовинили ряды татар, но и вынудили их остановиться. Правда, теперь в воздухе зловеще засвистели стрелы.

– Чертовы макаки! – Матях, кидаясь из стороны в сторону, побежал прочь, на ходу отстегивая магазин. Так и есть – пустой.

– Сюда!

Андрей увидел в небольшой, поросшей крапивой выемке немецкого капитана, рядом с ним – Колю Смирнова и последнего уцелевшего егеря, повернул к ним, перепрыгивая вонзающиеся в землю стрелы. Потом споткнулся и последние несколько метров до залегших товарищей преодолел кувырком.

– Уходить надо, – тяжело выдохнул он. – Стрелами закидывают, гады. Местность знают хорошо, подкрадываются незаметно почти в упор. Лучники стреляют бесшумно, по звуку не засечь, глазом не углядишь.

– Спокойно, сержант, – холодно возразил немец. – Против нас не больше взвода безоружных дикарей. Достаточно спровоцировать их на атаку, плотным огнем положить всех – и расположение наше. Оружие к бою, сержант. Какой пример вы подаете подчиненным?

Матях выглянул в сторону стойбища, от которого успел отбежать на добрых три сотни шагов. Оттуда и вправду крались, пригибаясь чуть не к самой земле, несколько татар. Но самое главное – рядом с одним из шатров он увидел лучника, прижимающегося к самой стенке кочевьего дома.

– Сейчас я тебе покажу, – пообещал Андрей, облизывая губы и наводя ствол на цель.

Очередь из трех пуль после минувшего боя уже не показалась такой громкой. Лучник свалился куда-то за шатер, наступающие татары прыснули кто куда.

– Вот так, – удовлетворенно кивнул Матях, и тут же рядом с его плечом выросла стрела. Причем оперение ее показывало назад.

– А-а-а! – Андрей резко перекинулся на спину, нажал спуск. Автомат коротко загрохотал и заткнулся, полностью опустошив магазин. Двух из десяти налетевших всадников он все-таки успел свалить, но остальные шарахнулись в стороны, не переставая торопливо метать стрелы в незваных гостей. Совсем не страшно застрекотал «шмайссер» капитана, еще трое татар вылетели из седел. Однако это уже ничего не меняло: Коля Смирнов лежал, уткнувшись лицом в землю, из его бронежилета торчало сразу три оперения. Последний немецкий пехоти-

нец громко выл, держась за стрелу, пригвоздившую его бедро к земле. Вторая торчала у егеря из плеча, но на нее раненый внимания почему-то не обращал.

– Die verfluchten Barbaren! – злобно прошипел Генрих Айх.

– Какие будут приказания, капитан? – Матях, тяжело дыша, перезарядил оружие, пересчитал обоймы. Получилось всего четыре. Плюс две гранаты. В принципе, жить пока можно. – Придется уходить, капитан. Раненого понесем по очереди. Выждем немного в степи и попытаемся напасть на стойбище еще раз. Но только уже не нахрапом, а тихонько, со снятием часовых и вырезанием спящих.

С тупым постукиванием в землю вонзились несколько стрел. Андрей вскинулся – полтора десятка всадников гарцевали на удалении метров четырехсот, причем как раз между остатками отряда и открытой степью.

– Вопрос снят, – снова вытянулся он на земле. – Пути отхода нам уже отрезали. Что будем делать, товарищ капитан?

– Темноты нужно ждать, – покачал головой немец. – Нам, пешим, от конных все равно не убежать. Может, ночью скрывается удастся.

Непрерывный стук стрел начал напоминать дождь. Большинство вестниц смерти падали на расстоянии пяти-шести шагов от пришедших из будущего воинов. Но некоторые вонзались совсем рядом. Одна впиалась в землю между сержантом и Генрихом Айхом. Матях выдернул ее, покрутил в руках. Древко чуть больше метра длиной, с тремя длинными белыми перьями. Наконечник шириной в три пальца и с остро отточенными краями. Вес – граммов сто, а то и двести. Если такая упадет в голову с высоты метров пятьдесят – форточку в черепе проделает наверняка.

Ш-ш-ших-х-х – Андрей вскрикнул от боли, наклонился к ноге, решительно обломал древко стрелы, сдернул ногу с нее. Штанина стала быстро напитываться кровью.

– Вот сволочи! – Он достал из кармана пачку бинта, прямо поверх штанины туго забинтовал ногу.

Ш-ш-ших-х-х – еще стрела чиркнула по груди, распоров верх жилетки.

– Паразиты! – Сержант подтянул автомат ближе, выпустил очередь в сторону отряда, гарцующего в степи. Одна из лошадей упала, тут же поднялась и лучники торопливо поскакали прочь. Матях развернулся, выпустил несколько пуль в направлении другого отряда – татары, сбившись в группы по полтора-два десятка, маячили буквально повсюду, постоянно работая луками. И подобных разъездов набиралось уже никак не меньше шести. Самое обидное – на близком стойбище две худенькие женщины, выйдя из среднего шатра, перевернули казан и стали спокойно разводить под ним огонь, совершенно не обращая внимания на нападающих. Словно те были уже безопасными покойниками.

– Ну же, капитан! – возмутился Матях. – Вы почему мне не помогаете?

– Далеко, – обреченно вздохнул немец. – Из «MP-40» не добить. Ничего не понимаю... Почему они не испугались взрывов и стрельбы? Почему не разбежались?

– Так ведь шестнадцатый век, капитан. На Руси уже четыре столетия пушки во всех городах стоят. И стрельцы с пищалями против татар регулярно ходят. В общем, к стрельбе и взрывам в здешних местах люди привычные, не первый раз дело имеют.

Стрела с темным оперением впиалась Андрею между коленей, вторая – чиркнула раненому егерю по спине, разрезав рубаху и распоров кожу от плеча и до пояса. Кровь тонким ручейком поструилась на землю.

– Да что же это такое! – Матях поднялся на колено, сдвинул целик на дистанцию пятисот метров, выпустил несколько прицельных очередей в одну сторону, другую. Ближняя вороная лошадь упала, и больше уже не поднялась. Сержант поменял обойму, снова открыл огонь, заставив татар отодвинуться еще дальше.

Но стрелы, хоть и не так часто, как раньше, все равно продолжали падать. Андрею в двух местах распороло жилетку над «броником», один раз чиркнуло чуть выше щеки от глаза до уха, и теперь за шиворот медленно, но неумолимо змеилась кровь.

Внезапно Генрих Айх низко захрипел – Матях увидел, что оперение торчит у него из спины, сразу под ребрами, с левой стороны. Раненый пехотинец за ним лежал с остекленевшим взглядом и не дышал. То ли в него еще раз попали, то ли кровью истек. Андрей понял, что все безнадежно. Татары могли гарцевать вокруг час, два, весь день. И стрелять, стрелять, стрелять... А ему, чтобы огрызаться огнем, осталось всего две обоймы, да и те уже взятые из жилетки Смирнова. И если он хотел получить шанс на жизнь, требовалось что-нибудь немедленно предпринять.

– Зильдохен шварц, и танки наши быстры, – пробормотал сержант, перевел флажок автомата на одиночный огонь и решительно поднялся. – В атаку, шагом марш!

Гимнастерка, под которую продолжала струиться кровь, противно прилипла к спине, правый ботинок тоже хлюпал теплой жидкостью, но Матях упрямо шел вперед, время от времени стреляя то в одну, то в другую сторону, не давая всадникам сильно приблизиться. Издалека, да в движущуюся мишень, да одиночным выстрелом – не особо и попадешь. Зато и степняки толком прицелиться не могут. Однако стрелы продолжали сыпаться. Справа, слева, спереди. Некоторые – совсем близко. Вот обожгло огнем левую ногу, но Андрей не стал ни останавливаться, ни даже смотреть на то, что случилось.

Вот ее обожгло снова.

Чиркнуло по плечу.

Порезало руку.

Но сержант все равно шел вперед, удивляясь только тому, что среди белого дня ему так сильно захотелось спать. Автомат стал казаться невыносимо тяжелым, неподъемным. Матях выстрелил из него в последний раз – и, не удержав, уронил из рук. Наклонился, чтобы поднять – но упал рядом. Впервые за день ему стало спокойно и хорошо.

Когда его начали теребить, сержант приоткрыл глаза и увидел желтолицего татарина, рассматривающего штаны. Но сил что-либо сказать, или как-то воспротивиться уже не оставалось. Андрей отстранено смотрел, как степняки содрали с него всю одежду до исподнего, с довольными смешками собрали оружие, после чего поднялись в седла и умчались прочь. Он понял, что пришла смерть, и эта мысль ничуть не испугала, а даже обрадовала его. И когда человеческие руки снова принялись шевелить, поворачивать Матяха, подняли, куда-то понесли – это глубочайшим образом обидело бывшего сержанта. Но сопротивляться насилию он по-прежнему не мог.

Глава 4

Боярин Умильный

Пустые телеги, подпрыгивая на травяных кочках, гулко погрохатывали, словно колоушки в руках ночного стражника, и каждый раз этот звук заставлял боярина Илью Федотовича Умильного недовольно морщиться. Громкий деревянный стук снова и снова напоминал ему, что весна этого года не принесла никакого прибитка. Хоть травы, что ли, покосить, чтоб пустым не возвращаться?

Зелень в еще не просохшей под летним солнцем степи стояла вровень с конским брюхом, наматываясь на ступицы колес и цепляясь людям за ноги. Лошади по такой траве шли ходко, а вот повозки завязали, как в болоте. Да и людей пеших при обозе оказалось почти три с половиной сотни – освобожденные из татарского полона невольники. В большинстве своем: старики, бабки да хворые мужики. Затесалось среди них и три худосочные девки, похожие на одетых в сарафаны сибилей¹. Боярин знал, что среди доведенных до православных земель полоняников завсегда один из пяти-десяти, но оставался при своем освободителе. Кому идти некуда, у кого дом и хозяйство при набеге дочиста разорили, кто и на старом месте окромя долгов ничего не имел. Но среди идущих между телегами единоверцев Илья Федотович ноне не видел ни единого, годного хоть к какому завалющему делу.

В общем, поход получился неудачным.

Нет, Боже упаси – никакого урона московская рать не понесла. Но и удачи особой не добилась. Тридцатитысячное войско, посланное Иоанном Васильевичем под руку князя Юрия Пронского-Шемякина, спустилось, едва лед сошел с Волги, по реке до северных татарских улусов, легко разметала встреченный здесь порубежный заслон и разделилась надвое: вятское поместное ополчение во главе с князем Александром Вяземским помчалось в степь воевать стан хана Ямчургея, а сам Юрий Иванович со стрелецкими полками двинулся напрямком на Астрахань.

Увы, никакого сопротивления бояре не встретили: стан они нашли пустым. Только чернели застарелые кострища да серели ровные круги, оставшиеся от собранных и увезенных шатров. Не дожидаясь врага, ногайцы удрали в Тюмень² или Азов, оставив победителям несколько хромых кобыл, десяток голодных псов, да несколько сотен никуда негодных невольников.

В тот день вятские бояре остро позавидовали своим сотоварищам, что должны были взять богатый стольный город. Но вскоре пришло известие – отряд князя Вяземского так же остался ни с чем. При виде русских полков гарнизон поспешил оставить укрепленный остров и так же ушел в сторону Азова. Князь Юрий Иванович торжественно ввел в город хана Дербыш-Алея и посадил его на правление, тут же взяв присягу на верность московскому царю. Астраханское ханство навеки вошло в состав русского царства.

Осталось непонятным только одно: почто Ямчургей царского посла в поруб сажал, коли противиться воле Иоанна Васильевича не собирался? Не иначе, как бесовское помутнение на него нашло. Война окончилась, не успев и начаться. Ополчению оставалось только повернуть коней и отправиться восвояси. Всего прибитку и оставалось рассчитывать, так на то, что походные³ государь все-таки заплатит, за бездельную прогулку их поход не сочтет.

1

² Тюмень – считается, что город основан в 1586 на месте татарского г. Чинги-Тура (известен с 14 в.). Однако, согласно летописям, не желавшие присягать на верность России ногайцы ушли частью именно туда.

³ Мало кто помнит, что так называемые «боевые» существовали еще при Иване Грозном. На время участия в боевом походе обычное жалование служилого человека утраивалось (с 4 до 12 рублей в год). А вот выслуга не шла – боярин или

– Трифон! – неожиданно углядел боярин вырвавшегося вперед молодого холопа⁴. – Ты зачем без доспеха?

– Помилуй, батюшка Илья Федотович, – осадил гнедого мерина отрок, – нет же никого кругом! Как государь наш глаз на Астраханское ханство положил, все ногайцы⁵ из Поволжья разбежались. Вон, трава который год нетоптана.

– Татары всегда там, Трифон, где их не ждут, – сурово сообщил боярин. – Ты их за сто верст чаешь, а они из-под земли у самого стремени выскакивают. Облачись немедля!

Холоп покорно кивнул, отъехал в сторону, с надеждой оглянулся: а ну, не следит хозяин? Ветер надул алую шелковую косоворотку, перепоясанную ремнем с булатной суздальской саблей, растрепал русые кудри. Купленный из семьи бедного вдового смерда, на хозяйских харчах паренек неожиданно быстро расцвел, превратившись в грозу дворовых девок, набрался лишнего своеволия. Хотя и смел оказался, не откажешь.

– Ну, чего ждешь? Пока голову твою дурную татарин к седлу прицепит?

Напяливать жаркий войлочный поддоспешник и старый тяжелый колонтарь⁶ отрок явно не хотел, но напрямую против воли хозяина идти не рискнул и направил коня ко второй подводе, за оружием. Но каков шельмец! Видит, что даже боярин в байдане⁷ едет – все одно железо скинул.

Хотя, кое в чем Трифон прав. Могли ли всего пять лет назад смерды московские подумать, что сгинет навеки разбойничье Казанское ханство? Что больше не придется им вокруг Хлынова, Муромы, Нижнего Новгорода схроны лесные на случай татарских набегов рыть? Пять лет – а под дланью юного, но решительного царя Иоанна покорно согнули выю и Казань, и Астрахань; вся Волга от Урала и до самой Персии стала русской, князья черкесские⁸ и ханы сибирские⁹ сами торопятся покорность свою предложить, под защиту прибиться. Юн царь, но чувствуется в нем воля не ребенка, а могучего деда, Ивана Грозного¹⁰.

– Батюшка Илья Федотович, может, зайцев погоняем, пока до сумерек далеко?

Боярин Умильный вздрогнул, оторванный от дум, покачал головой, оглядывая неугомонного холопа сверху вниз. Ни шишак¹¹, ни даже бумажной шапки¹² Трифон надевать не стал. Кудри перед возвращением домой примять побоялся. Под острым кадыком начинался кольчужный ворот сверкающего ярко начищенными пластинами колонтаря. Юбку отрок пристегивать поленился, и сразу от пояса начинались черные суконные штаны.

– Дичь здесь непуганая, Илья Федотович, – азартно сверкнули серые глаза. – Чего не пошуметь? И с ужином хорошим останемся.

стрелец служили до тех пор, пока могли носить оружие.

⁴ Холоп – добровольный раб. На Руси 16 века все люди считались от рождения вольными, и попасть в рабы могли только двумя путями: или за долги – в «кабалу», или добровольно продаться в холопы. Крепостные на Руси, в отличие от остальной Европы, вплоть до середины 17 века по правовому статусу соответствовали современному понятию земельного арендатора. Их можно было сманить от одного хозяина к другому, но купить – никак.

⁵ Ногайцы – татарские племена, населявшие Поволжье и Причерноморье.

⁶ Колонтарь – доспех без рукавов из двух половин, передней и задней, застегивавшихся на плечах и боках железными пряжками. Каждую половину от шеи до пояса составляли ряды крупных металлических горизонтально расположенных пластин, скрепленных кольчужным плетением.

⁷ Байдана – кольчуга из крупных, диаметром до трех сантиметров, но толстых колец. Относительно легкая, до 6 кг, байдана представляла надежную защиту от скользящих и рубящих ударов, но практически не останавливала бронебойных стрел.

⁸ Черкесы – племена, населявшие Северный Кавказ.

⁹ Сибирский хан Едигер сам прислал русскому царю поздравление в связи с завоеванием Казани и Астрахани и обязался платить дань.

¹⁰ Иван Грозный – первым прозвище «Грозного» получил дед Ивана IV Васильевича (1530-1584), Иван III Васильевич (1440-1505).

¹¹ Шишак – остроконечный шлем.

¹² Бумажная шапка – плотно набитая ватой и (или) конским волосом матерчатая шапка, служащая подшлемником или заменяющая шлем. В настоящее время употребляется как танковый шлем, иногда – вместо мотоциклетной каски.

– Касьян! – не отрывая от холопа глаз, позвал Умильный.

– Слушаю, боярин, – немедленно отозвался старый, опытный воин, бывший наставником самого Ильи Федотовича еще в его первом походе. Этот возвышался в седле не просто в доспехе, но и в мисюрке¹³, и со щитом на руке. Широкая седая борода спускалась на кольчугу панцирного плетения, купленную ему хозяином два года назад, а с пояса свисал тяжелый ребристый шестопер.

– Касьян, возьми Трифона, Ермилу, Прохора, Родиона и Ефрема. Поезжайте вперед с разъездом, выберите место для ночлега. Да, и еще. Трифон тут рвался зайца загнать. Путь ловит по дороге. А не принесет к ужину, так по возвращении десять плетей ему отмерь.

– Илья Федотович! – взмолился холоп. – Куда я с рогатиной на зайца...

– Ох, кмете, не блазись, – воин спрятал улыбку в бороду и хлопнул отрока тяжелой ладонью по спине. – День долгий. Ступай за правой воинской, да сулицы прихвати. Авось, кого и наколешь.

Ехавшие налегке холопы разобрали оружие, быстро превратившись из обычных оружных путников в отряд грозной кованой конницы, обогнали обоз, стелясь над серыми кисточками ковылей.

Боярин прищурился им вслед. Еще два года, и настанет время старшего сына, Дмитрия, в новики записывать. И тогда вот так, в дальние дозоры, станет уходить уже не старый Касьян, а подросший молодой воин. Хватит ли у старика сил еще одного боярина Умильного в седло поднять, или пора верного слугу при доме, на хозяйстве оставить? Крепок еще, вроде. Но и лет ему немало.

Над ковылями сверкнуло зеркальным бликом, и вскоре возле боярина осадил скакуна все тот же Трифон:

– Стреляют, Илья Федотович! – запыхавшись, вымолвил он. – Кажись, пищали бьют. Касьян доглядывать остался, а меня с вестью прислал.

– Вот тебе и разбежались татары, – зло сплюнул боярин, вскинул левую руку. Обоз остановился, на несколько мгновений в воздухе повисла напряженная тишина. Стало слышно, как, басовито гудя, промчался в сторону реки жирный майский жук, затрещала крыльями крупная стрекоза. Потом совсем рядом всхрапнула лошадь, звякнуло, смещаясь, железо на повозке с оружием, чихнул один из освобожденных полоняников. И опять – несколько мгновений тишины.

Степь, с вкрадчивым шелестом перебирая колосками, пахла медом, перепрелой соломой и пряным забродившим пивом, дышала жаром, играла красками множества цветов.

Где-то за горизонтом хлопнул приглушенный расстоянием выстрел, и почти сразу – еще один.

– Вот тебе и татары, прости господи, – широко перекрестился боярин Умильный и прыгнул на землю.

– Может, то воевода Данила Чулков? – предположил Трифон. – Его князь с детьми боярскими и казаками отсылал куда-то...

– Его Юрий Иванович вперед, на Астрахань посылал, а не назад. Стало быть, иные людишки в здешних землях балуют.

– Так ведь из пищалей палят, Илья Федотович, – напомнил отрок. – Знамо, стрельцы это, московские. У ногайцев пищалей отродясь не случалось.

– У янычар османских они случаются, – хмуро вздохнул боярин. – Кто бы ни был, а на нашей земле против братьев наших кто-то меч поднял. Посему на заводных коней всем

¹³ Мисюрка – шлем в виде металлической тубетейки, к которой обычно крепились бармица или наушники, наносник, назатыльник.

пересесть немедля. Рогатины разобрать, щиты в руки взять, колчаны раскрыть. Телеги вперед пускайте, до разъезда Касьяновского. Нагоним скоро.

Воины зашевелились, разнуздывая коней, отпуская подпруги, снимая седла, и перекидывая их на свежих скакунов, что с самого утра шли налегке позади повозок. Спустя четверть часа витязи снова поднялись в стремя. Теперь головы людей закрывали остроконечные шлемы, левые бока – круглые тополиные щиты, над всадниками холодно сверкали широкие наконечники рогатин. Разогревая лошадей, Илья Федотович поначалу повел свой отряд рысью, потом перешел на галоп. Вскоре они уже промчались мимо обоза, вскидывая высоко в воздух вывороченную копытами сырую землю, нагнали разъезд.

Боярин остановился рядом со старым воином, натянул поводья, заставляя замереть норовистую пегую кобылку.

– Все еще стреляют, Илья Федотович, – тихо сообщил Касьян. – Но редко. Видать, мало стрельцов осталось. А татары нападать пока страшатся, стрелами закидывают. Издалека добить желают.

– Думаешь, татары? Может, черемисы или вотяки опять взбунтовались?

– Нет, боярин, ногайцы. Мы дальше немного прошли, там трава низкая, до колена только тянется. Стало быть, стойбище неподалеку, улус малый. Давно стоят, с самой весны. Прибрежную степь уже один раз протравили, и новая травка нарастает. Мыслию, больше двух сотен нукеров в этом роду не наберется. Табуны слишком маленькие, раз начисто степь не вытравливают. А у нас под рукой полсотни ратных людей. Коли при обозе никого оставлять не станем, справимся. Да и стрельцы помогут.

– Обоз без стражи оставить? – боярин вздохнул. – А вдруг разорят?

– А чего в нем брать, Илья Федотович? – пожал плечами старый воин. – Лошадей заводных с собой возьмем. Повозки пустые, полоняники старые. Их и вязать никто не станет, веревки пожалеют. А там души христианские гибнут.

– Стрельбы не слышно, – неожиданно отметил боярин Умильный. – Коли спасти их, Касьян, то сейчас. Бери всех, выступаем.

Однако, как не торопились воины на выручку своим сотоварищам, отряд пошел неширокой рысью – все прекрасно понимали, что перед возможной схваткой лошадей утомлять нельзя. На загнанном скакуне в бою долго не проживешь. Где-то через полверсты заросли высокого ковыля оборвались, сменившись невысокой сочно-зеленой порослью молодой травки, широкими листьями тюльпанов, низкими стебельками бессмертника, похожими на болотный мох. Лошади пошли ходче, быстро проскакивая пологие впадины и стремительно взметываясь на взгорки. Боярин Умильный, поначалу державший рогатину в руке, зацепил ратовище¹⁴ за петлю и опер его о стремя. Никаких признаков близкого врага – темных полос у горизонта, звуков продолжающегося боя, вытоптанной земли на глаза всадников не попадалось. А уж очень далеко стычка случиться не могла – выстрелы не были бы слышны.

– Касьян, разверни холопов, – приказал Илья Федотович, переводя скакуна на шаг.

Компактный отряд кованой конницы вытянулся в широкую цепь отстоящих друг от друга на полсотни шагов всадников. Лошади двигались не торопясь, отдыхая и даже успевая пощипывать траву. Таким образом им удавалось прочесывать полосу почти в версту шириной. Люди внимательно вглядывались по сторонам, но ничего странного не замечали.

– Еще пару верст пройдем, и поворачиваем, – решил боярин. – Похоже, опоздали мы с подмогой.

– Нехорошо, Илья Федотович, коли стрельцы безвестно сгинут, – покачал головой старый воин. – Хоть тела надобно найти, земле по христианскому обычаю предать, весть печальную до родичей донести.

¹⁴ Ратовище – древко оружия.

– Степь велика. Что иголку в ней искать, что людей, все едино. Бог все видит, он невинные души и примет.

– Илья Федотович, нашел! – самым глазастым оказался узкоглазый черноволосый Родион, явно доставшийся матери от какого-то заезжего татарина. Боярин дал коню шпоры, подскакал ближе, прыгнул на траву. Здесь валялось трехперое¹⁵ древко татарской стрелы, надломленное пополам. Причем слом был белым, совсем свежим. А сбоку имелась грязная полоска. Похоже, кто-то наступил на воткнувшуюся в землю стрелу и сломал ее. Татарин выдернул наконечник, а порченное древко бросил. Боярин прошел по траве в одну сторону, другую, заметил темное, поблескивающее влагой пятно, наклонился...

– Кровь! – Илья Федотович выпрямился, оглянулся на место, где нашлась сломанное древко. Вглубь степи стрелец идти не мог. Стало быть, двигался к Волге. И прямая линия, проходящая от стрелы до пятна, точно указывала его путь. Боярин молча поднялся в седло, пустил скакуна широким шагом. И вскоре увидел то, что искал: распластанное среди травы, в луже крови, обнаженное тело, покрытое множеством порезов.

По своему извечному обычаю, степняки не оставили на покойнике ничего – ни украшений, ни нательного креста, ни даже исподней одежды. Татарам годилось все – сами не оденут, так невольникам отдадут. Стрелец уже не шевелился и, вроде как, не дышал.

– Последний, видать, из московитов, – пробормотал Касьян, прыгнул к бедолаге, перекрестился, потом наклонился к телу, вглядываясь повнимательнее: – Никак, жив еще? Гляди, кровь струится у виска. Здоров бугай. Как такого бабе-то выносить удалось?

И действительно, росту в стрельце имелось никак не меньше косой сажени¹⁶ – боярин Умильный подобных богатырей вообще ни разу в жизни не встречал. Разве в былинах слыхивал, как ездили среди далеких предков подобные богатыри, защищая слабых и карая посягавшую на четных людей нечисть. До Святогора стрельцу было, конечно, далеко, но на Илью Муромца или Никиту Кожемяку тянул вполне. Илья Федотович перекрестился, дивясь странному явлению, а Касьян тем временем вернулся к лошади, развязал узел чересседельной сумки.

– Думал, уж и не понадобится, а вот гляди ж ты. Ладно, сейчас мы ему разрезы-то порошком ноготковым присыплем¹⁷, дабы кровушка более не текла, да антонов огонь не разгорелся. А теперь мхом болотным зажмем, да и тряпицей чистой подвяжем...

Лекарь что-то негромко забормотал, и боярин тут же насторожился:

– Ты, Касьян, свои заговоры языческие брось! Молодцу, гляди, вот-вот пред Господом предстать придется, а на нем колдовство твое грехом несмываемым висеть станет.

– Не придется, батюшка Илья Федотыч, – поднялся воин. – С него крови, как с быка натекло, а он дышит еще. Теперича и подавно на поправку пойдет.

– Станный он какой-то, боярин, – встрял в разговор неугомонный Трифон. – Бритый, волосы короткие, как после траура¹⁸. Может, и не русский вовсе?

– Молод еще, хоть и амбалист¹⁹, – покачал головой Касьян. – Брить пока нечего... Но не татарин, точно.

– Может, причник? – предположил холоп. – Немец? Их у государя много служит.

¹⁵ Трехперое древко татарской стрелы – русские стрелы делались с двойным оперением. Татарские и османские – с тройным или четверным.

¹⁶ Косая сажень – расстояние от кончика ноги до самого длинного пальца поднятой руки. При этом и нога отставляется в сторону, и рука сдвигается так, чтобы расстояние побольше получилось.

¹⁷ Имеется в виду, разумеется, не порошок из человеческих ногтей, а из сушеных цветков ноготка (календулы), обладающий кровоостанавливающим и бактерицидным эффектом.

¹⁸ В допетровской Руси мужчины волосы постоянно сбрасывали, отпуская их только в знак траура. С Бородой наоборот – считалось, что безбородый муж не сможет войти в царствие небесное.

¹⁹ Амбал – портовый грузчик.

– Откуда здесь кромешники? – покачал головой боярин. – Да и стрелять с пищалей немцы отродясь не умели. Сказывали, в Лифляндии нанимали для войны с литовцами кого-то из далекой неметчины с тамошними пищалами. Но и те по двое ходят и гуляй-городом биться не способны. Как он, Касьян, живой еще?

– Дышит, Илья Федотыч.

– Ну, коли так, придется с собой забирать. В разум придет, сам расскажет. Раз с ногайцами воевал – стало быть, свой, хоть поляк, хоть кромешник, хоть и немец. Слезай Трифон, с коня, скидывай седло.

– А почему сразу я, батюшка Илья Федотыч?

– А потому, как умный больно. Языком молоть горазд, теперь ногами поработай.

Недовольно бурча себе под нос, холоп расседлал коня, отдал справу Родиону, взял скакуна под уздцы. Воины подняли раненого на лошадиную спину, уложив прямо на потник, так, что затылок оказался на крупе, а ноги свисали по сторонам от шеи. Перекинули ремень под коленями и через холку; двумя другими, пропущенными под брюхом, привязали раненого, чтобы не упал. Двинулись в сторону обоза. Про татар более никто не поминал – может, их и набиралось в улусе не более двух сотен, но проливать кровь в жестокой сече смысла не имело. Стрельцов спасать поздно. Следовало подумать о своем обозе и освобожденных из неволи полоняках. Путь к родным очагам предстоял еще ох какой неблизкий.

Глава 5

Свяжск

Прежде чем уложить раненого на телегу, боярин Умильный приказал освобожденным невольникам нарвать травы. Поверх жалобно похрустывающего толстого и мягкого слоя пахнущего пряностью ковыля кинули чепрак²⁰, на который и уложили стрельца, прикрыв его бухарским ковром, обычно расстилаемом для боярина. Положили в рот немного меда, дали несколько глотков воды, да так и оставили, положившись на волю Господа. Почти три дня подобранный в степи бедолага никак не обращал на себя внимания – лежал, аки остывший мертвец, не издавая ни возгласа, ни стога. Касьян во время дневков и перед ночлегом понемногу отпаивал его водой, мясным отваром, пытался давать мед. Еду раненый не выплевывал, но и голода никак не проявлял. Однако старого воина интересовали больше не слова, а повязки на добром десятке поверхностных, но кровяных ран. Из-под тряпок по вечерам ничего не сочилось – ни сукровицы, ни гноя, и лекарь, удовлетворенно кивнув, возвращался к своему ложу. На четвертый день, вскоре после полудня, с трясущейся повозки послышался стон, и обоз, уже ступивший на земли бывшего Казанского ханства, немедленно остановился. Воины столпились возле ратника, впервые открывшего свои карие глаза.

– Ну-ка, – раздвинув холопов, протиснулся вперед Илья Федотович, – дайте на болезного взглянуть, словом добрым перемолвиться. Хоть узнаю, что за доброго человека выхаживаем. Слышишь меня, служивый²¹? Зовут тебя как?

Нынешнее пробуждение далось Андрею куда проще, нежели в прошлый раз. Никакой боли он не чувствовал – тело словно качалось в теплой ванне, расслабляющей и ласковой, а потому ни руки, ни ноги двигаться не желали, язык не шевелился и даже веки разомкнулись с огромным трудом. Но когда глаза его все-таки раскрылись, Андрюша Матях сразу пожалел, что остался жив: над ним склонился загорелый, бородатый, зеленоглазый, наголо бритый мужик в шитой серебряной нитью тюбетейке²².

«Плен... – понял Матях. – Все это будущее, забросы в прошлое и прочая лабуда была всего лишь бредом, глюками после ранения. На самом деле абреки взяли меня в плен и сейчас начнут развлекаться».

– Зовут, зовут тебя как? – пробился до разума настойчивый бас, и Андрей попытался упрямо мотнуть головой:

– Ничего не скажу!

На деле с губ сорвался только тихий шепот: «Не... Скажу...»

– Не скажет? Чего не скажет? – но понял боярин. – Имя свое молви, имя. Кто ты? Православный, чи нет? Немец? Русский?

«Немец? – не смотря на всю тяжесть положения, Матях мысленно усмехнулся. – Откуда здесь немцы? Или чехи кого-то для выкупа украсть хотели, а я как-то по пути попался?»

²⁰ Чепрак – суконная или коровая подстилка под седло.

²¹ Служивый – если верить судебникам 16 века, на Руси тогда существовало два сословия: «служивые» – те, кому государство платило (чиновники, военные) и «тяговое» – те, кто платил налоги (крестьяне, ремесленники, купцы). Впрочем, в большинстве случаев, человек легко мог перейти из одного в другое.

²² Тюбетейка – на самом деле этот головной убор назывался тафья, которую носили все уважающие себя бояре поверх бритой макушки. Тафья всегда считалась не только гордостью, но и настолько неотъемлемой частью человека, что ее не снимали даже в церкви.

– Русский, – выдохнул Андрей, ни при каких обстоятельствах не желая отказываться от высокого и почетного звания. – Русский я, слышите, русский!

– Русский! – наконец различил хоть что-то внятное Илья Федотович, и воины так же облегченно загалдели. – Русский он, понятно?! А вы – немец, немец. Откель будешь, служивый? Смоленский, вятский, рязанский, московит? Али из Новагорода приплыл?

Половина вопросов уплыла мимо сознания сержанта, но главное он понять смог: тому, что он русский, абреки почему-то обрадовались. Может, его вывезли в дружественный аул? Или он в Моздоке, в палате с кем-то из «наших» чехов? За бандитов ведь далеко не все дерутся...

– Где я? – прошептал он.

– Не бойся, – кивнул Илья Федотович. – Свои мы, православные...

И он размашисто перекрестился.

– Моздок? – предположил Матях, впервые увидевший перекрестившегося чеченца. – Санчасть ОМОНа? Или в аэропорт везете? Я тяжелый? Ничего не чувствую. Я на обезболивании?

Боярин Умильный, в свою очередь ничего не понявший из множества сорвавшихся с уст стрельца слов, растерянно закрутил головой:

– Чего это он, Касьян?

– Да опять в беспамятство впал, батюшка Илья Федотыч. Слаб больно. Почитай, вся кровушка из него вытекла. Не едина неделя пройдет, пока новую накопит.

– Ништо, – отмахнулся боярин. – Главное, не басурманина вороватого подобрали, православного. Как в разум окончательно придет, так и узнаем, кто таков. Пока подстилку травяную поменяйте в телеге, а и с Богом, дальше двинемся.

Еще на три дня ополченцы оставили Андрея в покое, лишь иногда по-дружески улыбаясь, ловя на себе взгляд карих глаз, да Касьян продолжал выкармливать, как малютку несмышленища, по чуть-чуть наливая в рот теплого бульона и скармливая большими ложками приторно-сладкий цветочный мед. Матях приходи в себя все чаще и чаще, проваливаясь в забытье на считанные часы. Сил шевелиться у него не имелось, но трясущаяся телега постоянно перекидывала голову с боку на бок, и сержант смотрел во все глаза, никак не веря тому, что предстало перед ним.

А видел Андрей лихих всадников, одетых в сверкающие, любовно начищенные кольчуги, с саблями у пояса и тугими колчанами на крупах коней. Воины выглядели не так, как он привык воспринимать их по историческим фильмам: суровыми, опытными мужами в шлемах, с топорами за поясом, щитом и копьём в руках. На самом деле шлемы у всех болтались на луках седла, круглые щиты свисали на боках коней с левой стороны, копыя с длинными широкими наконечниками вообще ехали на телегах, а суровых, в смысле бородатых, воинов набиралось меньше половины. Большинство составляли веселые безусые юнцы, о чем-то со смехом болтающие между собой, а порой внезапно срывающиеся с места и уносящиеся в степь за появившейся вдалеке дичи. Да и те защитники земли русской, что успели войти в возраст, так же мало укладывались в «правильный» образ. Низкорослые, наголо бритые, бородатые, в цветастых тюбетейках они больше походили на красную тряпку для милиционеров конца двадцатого века – в будущем Питере или Москве у них проверяли бы документы каждые двадцать метров, но в любом случае отвозили бы в отделение для «уточнения».

Впрочем, теперь для Матяха странной и далекой фантастикой казались застава в горах, питерские улицы, проложенные между многоэтажных бетонных домов, школа и курсы программистов. Капитан как в воду глядел – не заниматься ему больше драйверами и Ассемблерами! Суровой реальностью вырастал шестнадцатый век, в который упекли его тощие длиннорослые умники из далекого будущего. А про шестнадцатый век программист по образованию, сержант российской армии Андрей Матях не знал ничего, кроме одного: это было очень давно.

И как должны жить здесь люди, о чем разговаривать, чем заниматься, он совершенно не представлял.

Положение тяжелораненого оставляло много времени для размышления, и Андрей во всех деталях мог прикинуть свою дальнейшую судьбу. Прикладные математики в этом мире вряд ли представляют высокую ценность. Разумеется, его познания и умение производить сложные вычисления на два-три порядка превышали уровень самого великого из современных архитекторов или ученых. Но вот только не изучал Матях законов строительства. А столь популярное в двадцатом веке получение определителей сложных матриц и формулы неопределенной баллистики здесь не имели никакого прикладного значения.

Еще, как бывший сержант, Андрей «на отлично» стрелял из пулемета, автомата и снайперской винтовки, умел организовывать оборону подразделения, вести наступательный бой, проводить спецоперации против опытного и хорошо организованного противника. Но какой смысл в умении класть из СВД три пули из пяти в «десятку» на расстоянии восьмисот метров, если вокруг одни «гладкостволы»? Какой смысл в умении правильно окапываться, когда все бойцы передвигаются и сражаются только на лошадях?

«Знал бы, чем все кончится, на курсы верховой езды записался бы, а не математику зубрил, – мысленно вздохнул Матях. – Остается или вешаться, или учиться жизни опять с самого нуля».

Вешаться в свои немногим больше двадцати трех лет он не собирался. Оставалось учиться и приспособливаться, благо все вокруг пока принимают его за своего. Вот только как бы не засветиться? Не ляпнуть лишнего, не выдать своего «темного» происхождения, незнания здешних реалий?..

– Как чуешь себя, служивый? – поравнялся с телегой зеленоглазый бритый бородач. – Живой?

– Лежать надоело, Илья Федотович, – еще негромко, но вполне внятно ответил Матях, – да ноги не слушаются. И траву поменять хотелось бы, коли до кустиков сбегать не могу.

– Никак, знакомы мы, служивый? – удивился боярин. – Откель имя мое знаешь?

– Так не глухой ведь, Илья Федотович, – усмехнулся раненый. – Слышу, как обращаются.

– А-а, то разумно, – кивнул воин. – Самого-то как кличут?

– Андреем.

– В честь апостола, значит, Первозванного. Гордое имя. А из чьего рода будешь?

– Не скажу, – Андрей бессильно уронил голову и пару раз тихонько постонал. – Не помню.

– Как не помнишь? – изумился боярин. – Имя отчее назвать не способен?

– Ничего не помню, – повторил Матях. – Ни дома, ни родичей. Как попал сюда не помню. Знаю только, Андреем зовут. Как на телеге очнулся, помню, и все. Откуда в степь попал, как, зачем – ничего вспомнить не могу. Как имя в голове уцелело, и то непонятно.

– Касьян! – зычно гаркнул боярин, приподнявшись на стремянах. – Подь сюда! Слышишь, чего служивый молвит: запамятовал себя совсем. Окромья имени, ничего молвить не способен.

– То бывает, Илья Федотыч, – услышал Андрей знакомый голос своего лекаря откуда-то спереди. – Коли сильно по голове вдарят, палицей там, али кистенем, память зачастую отшибает начисто. Жонок родных иные бояре не узнают, детей кровных. Опосля привыкают снова, али вспоминают спустя время.

– Роду своего не помнить? Срамно это, Касьян.

– А молодцу красному под себя в траву ходить не срамно, боярин? Сеча, она жалости не ведает. Живот уцелел, то и ладно.

– Так ты и звания своего не ведаешь, служивый? – снова повернулся к раненому воин. – Княжыч знатный, али невольник беглый?

– Не знаю, – попытался пожать плечами Матях, но не получилось.

– Чудно... – усмехнулся в бороду боярин и отъехал в сторону.

Отряд из пятнадцати опытных нукеров, успевших не раз пройти через кровавые сечи, миновал очередную низинку, влажную из-за близкой к земле воды, поднялся на лысый из-за вытопанной травы взгорок и остановился, грозно нависая над богатым кочевьем из семи юрт, окружающих широкий колодец и трех кибиток, стоящих поодаль.

Полтора десятка бойцов, большинство из которых были одеты в матовые, тускло отсвечивающие на солнце кольчуги. Зато все имели островерхие шлемы, отороченные по обычаю дорогим песцовым или собольим мехом, все придерживали стоящие на стремени острием вверх длинные тонкие копыя с кисточками под самыми остриями, у всех на крупах коней болтались круглые щиты и саадаки с луками и сулицами. Такой плотный, умелый, закованный в сталь кулак мог разорить стойбище без особого труда: вихрем налететь на мирно разделяющих мясо татар, порубить всех, кто еще не успел схватиться за оружие, наколоть на копыя тех, у кого под рукой оказалась сабля, кистень или нож, вырезать стариков и детей, надругаться над девками и удрать, пока воины рода, ушедшие в степь, сторожащие тысячные табуны, бесчисленные отары, огромные стада не успели прознать про упавшую на родной дом беду и кинуться в погоню. Разумеется, никакой добычи при этом нападающие взять бы не смогли: уж очень тяжелая и неповоротливая это штука – добыча. Но разорить – легко.

Однако, для безопасного и смертоносного нападения требовалась внезапность – а вооруженные до зубов степняки задумчиво гарцевали на виду кочевья, давая мужчинам время одеть стеганные халаты, опоясаться оружием, приготовить луки. И это означало, что к стойбищу подъехали мирные гости, а не злобные враги.

Наконец, всадники стронулись с места и неспешным шагом направились к колодцу, оставив щиты на крупах лошадей и не делая попыток расчехлить саадаки. К этому времени женщины успели попрятаться в юрты, забрав с собой детей, глупых баранов мальчишки отогнали от колодца прочь, и только обнаженный по пояс пожилой невольник в протертых до дыр штанах продолжал мерно работать ведром, выплескивая холодную искрящуюся воду в выложенные камнями лотки поилок.

Покачиваясь в седлах, нукеры въехали на стойбище, спешили у колодца, составили копыя в пирамиду, отпустили коням подпруги, подвели их к воде, всем своим видом доказывая миролюбие. Вода в степи хозяина не имеет, прогнать от колодца гостя, желающего всего лишь напоить скот и попить самому, нельзя.

Последним на землю ступил высокий, статный голубоглазый воин с острым носом, узкими усиками, спускающимися от уголков рта к подбородку и такой же узкой бородкой, короткой черной чертой обозначенной под тонкими губами. Вместо шлема на татарине была песцовая шапка, на плечах лежал шитый золотом парчовый халат, из-под которого, однако виднелся чешуйчатый куяк. Стремя богатому степняку придерживал другой, являющейся его полной противоположностью: кряжистый, с исполосованным шрамами лицом, на котором чудом уцелели карие глаза, расплющенный нос и белые изорванные, а потом сросшиеся кое-как губы. Этот татарин, то ли попавший когда-то в лапы медведя, то ли волочившийся по каменистой земле вслед за конем с застрявшей в стремени ногой, был одет только в кольчугу с коротким рукавом, на груди которой, по османской моде, были вплетены две округлые медные пластины с изречениями из Корана, в темные штаны из тонкого мягкого войлока и войлочные чуни, подшитые снизу кожей.

– Да, мягкая здесь земля, – словно продолжая начатый еще в пути разговор, сказал голубоглазый степняк. – Сочная и влажная, как овечий сыр.

– Хорошая земля, – согласился его изуродованный товарищ. – Правда, здесь трава объедена, но она вырастет быстро. Очень быстро.

- Трава растет всегда. Были бы вода и солнце.
- Хорошо растет трава, милостью Аллаха великого и всемогущего.
- По милости Аллаха правоверный обретет богатство в любом месте...

Они вели разговор, переливая из пустого в порожнее, обменивались ничего не значащими фразами, словно чего-то ожидая, пока к ним, наконец, не приблизился паренек лет четырнадцать и с поклоном не сообщил:

– Бей Низиб рад тому, что по милости Аллаха всемилостивейшего, вы оказались вблизи от нашего колодца и почтили нас своим визитом. Он просит не отказываться от его гостеприимства и разделить его трапезу.

– Мы рады тому, что улус достопочтеннейшего Низиба Камалового встретился на нашем пути, – поклонился в ответ статный воин, – и сочтем за честь сесть с ним за одним столом.

Юноша посторонился, пропуская гостей вперед, засеменял сбоку, пытаясь одновременно удерживаться из вежливости позади, но и оставаться на виду, указывая дорогу. Наконец он с облегчением остановился возле укрытой гнедыми шкурами юрты и откинул полог – на этом его миссия была закончена.

Гости шагнули внутрь, в пахнувший индийскими благовониями полумрак, остановились, давая глазам время привыкнуть к темноте.

– Неужели?! Я не верю такой радости! Аллах направил стопы великого Аримхана Исамбета к моему скромному жилищу, и даровал нам время для общей молитвы и мудрой беседы!

– Аллах даровал радость мне, дорогой Низиб, увидеть тебя в этих чужих краях и усладить мой слух звуками твоего голоса!

Аримхан раскрыл объятия и заключил в них одетого в парчу толстяка с округлым лицом и короткой, в два пальца, русой бородкой. Главы двух ногайских родов крепко обнялись, долго удерживая друг друга в объятиях, а когда чувства взаимного уважения оказались выражены в достаточной мере, хозяин юрты уже довольно спокойно кивнул второму гостю:

- Приветствую тебя, Замлет Расих.
- Да прибудет с тобой милость Аллаха, уважаемый бей, – поклонился ногаец.

– Присаживайтесь, гости дорогие, отдохните с дороги, – запахнув халат, сделал приглашающий жест хозяин. – Сейчас Жамаль принесет угощение. Откуда и куда держите путь? Была ли легка ваша дорога?

– Благодарю, уважаемый, – Аримхан опустил на ковер, пождав под себя ноги, прикрыл колени полами халата. Тихонько и зловеще зашелестели стальные пластинки куяка. – Наш путь тянется из дома нашего старинного доброго друга, вотякского хана Фатхи, главы рода Кедр. В землях нашего доброго товарища случилась беда. Простер над их землями свою тяжелую длань московитский царь. И хотя приняли многие люди его покровительство с радостью, но радости власть эта в их дома не принесла. Опустели покои ханские. Всех рабов отпустили русские на свободу, оставив токмо невольников из земель дальних и диких. Не с кем ныне утолить свои желания честному воину. Женщины, дарившие им ласки, разбежались по далеким домам. Некому ныне убирать навоз за скотом, некому доить коров, некому хлопотать в обширных покоях. Храбрые нукеры, желая поесть, вынуждены сами резать и разделывать вонючих козлов, а прекрасные жены правителей носят воду из колодцев, словно оборванные русские невольницы, сами затапливают очаги и варят в них похлебки. Мужчины, забывая ремесло воинское, вынуждены колоть дрова, чинить заборы, пахать поля...

– Эти русские расползаются повсюду как моровая язва! – не выдержав, зашипел бей. – О прошлом годе они сели в Казани, в этом пришли в Астрахань! Подлые неверные повсюду отпускают невольников, насаждают свои нравы, ставят своего Бога наравне с Аллахом. Они освободили невольников по всей Волге! У моих соседей разбежалось половина стад, потому что за ними некому оказалось следить. Род Тинчуровых зарезал всех коров, которых некому оказалось доить, и половину стад, которых некому стало пасти. Цена мяса упала ниже простой

луковицы, но даже за эти деньги его никто не покупает. Этой весной в зимовье мои нукеры сами, как последние смерды, пахали землю и сажали ячмень и пшеницу²³! Им не с кем теперь развлечься, не гневя Аллаха, потому, что в кочевьях остались одни правоверные мусульманки и ни одной невольницы!

Аримхан улыбнулся. Тихонько, одними губами. Вместо обычного вежливого разговора, большей частью бессмысленного, посвященного либо погоде, либо пересказам о делах соседей бей, оскорбленный наглостью московитских ратников, сам повернул на интересную для всех тему. Поэтому гость позволил себе небольшую паузу, наблюдая, как молодая черноглазая татарочка, поставив между мужчинами серебряное блюдо, теперь шустро заставляет его мисками с изюмом, курагой, инжиром, ломтями арбуза и персика в патоке, горько-сладким черносливом, орехами. Наконец девушка отошла к стоящей у входа в юрту бочке, зачерпнула оттуда ковш кумыса, перелила его в кувшин, принесла и поставила перед хозяином. Гости почти одновременно расстегнули свои поясные сумки, достали серебряные пиалы. Низиб-бей наполнил их пенящимся кобыльим молоком, и Аримхан приподнял свою, с благодарностью кивнув:

– Да будут сочными травы на пути твоих стад, досточтимый Камаловский бей! – гость неторопливо осушил чашу, поставил ее на стол и продолжил: – Я разделяю твою скорбь, мой дорогой Низиб. Ныне я, подобно шелудивому псу, был вынужден бежать из родных земель, с пастбищ, на которых росли стада моих дедов и прадедов. Прихвостни хана Дербыша, целующего руку московитского царя, пытались заставить и меня, Аримхана Исамбета, выпустить на волю русских рабов! Я отказался, и тогда подлые предатели наслали на меня русских стрельцов, которые гнались за мной пять дней, пока я не бросил половину невольников и часть своего обоза! Мое сердце по сей день горит от горечи обиды, а руки дрожат от стремления сразиться с неверными!

– Этот час придет, мой дорогой Исамбет, – снова наполнил его пиалу хозяин. – Русские глупы и доверчивы. Не первый раз они приступали к Казани, не первый раз мы гневали Аллаха, отпуская на волю язычников, не совершающих намаза, не первый раз русским обещали более не ходить в их земли. Теперь они опять уйдут в свои лесные города, а мы опять станем приходить на их богатые земли за добычей и невольниками. Так происходит всегда, уважаемый. Так почему ты думаешь, что что-то изменится на этот раз?

– До этого года русские не оставляли в Астрахани своих стрельцов, – хмуро ответил гость.

– Через три или четыре года, – улыбнулся бей, – через три или четыре года Дербыш-Алей увидит, что в его ханстве без русских рабов некому тачать сапоги, некому сажать сады и собирать урожай, некому ловить рыбу и строить причалы, некому убирать улицы и чистить нужники, некому развлекать юношей и рожать новых рабов – и тогда он сам, своими собственными руками вырежет всех русских стрельцов, посадит посла в поруб и пойдет в большой набег на север...²⁴

– Это будет нескоро, – покачал головой Аримхан. – А чистить казан в моем кочевье некому уже сейчас.

Настала очередь надолго замолкнуть хозяину кочевья. Он пустым взглядом уставился мимо Замлета Расиха на бочку кумыса и только медленно двигал челюстью, пережевывая чуть кислую курагу. Аримхан не мешал толстяку оценить все выгоды и недостатки предложения гостей. Всего пару лет назад он не сомневался бы в согласии Камаловского бея, но за последние годы русские смогли очень сильно напугать своих соседей и разорять их никто не решался уже довольно давно. И все-таки... И все-таки, помимо страха русские посеяли немало ненависти в

²³ Большинство ногайских племен имели постоянные стоянки для зимовки. По весне земли вокруг них распахивались, там сажались зерновые культуры. Возвращаясь на зимовку, татары собирали урожай, что позволяло им благополучно дотянуть до весны.

²⁴ Именно так все и случилось. Но набега не получилось – Дербыш-Алей изгнали за измену присяге, а Астраханское ханство просто упразднили.

сердца ограбленных, лишенных привычного образа жизни степняков. А значит, очень многие из них уже начали мечтать о мести.

– Русские коварны, – наконец ответил Низиб-бей. – Если их разграбить, они кидаются в погоню.

Аримхан покосился на своего спутника и тот, слегка кашлянув, сказал:

– Я слышал, что нукеры Камаловского рода не один раз ходили в набеги на Вятские земли, но русским никогда не удавалось догнать храбрых воинов.

– Времена меняются, уважаемый Исанбет, – вздохнув, покачал головой хозяин. – Раньше нам достаточно было дойти до Камы, в границы вольного Казанского ханства, и русским приходилось осаживать коней. Ныне они могут гнаться до самой Персии. Эти дикари злобны и хитры, они способны именно так и поступить.

– Если будут знать, где искать своих обидчиков, – тихонько рассмеялся Аримхан. – А ведь до сего дня им ни разу не удавалось напасть на след нукеров твоего рода. Я думаю, у вас есть тайна, почтенный и глубокоуважаемый мною бей Низим. Вы знаете какой-то путь, неизвестный ни русским, ни нам, твоим единоверцам. Тайную дорогу к жирным вятским амбарам. Настала пора поделиться своим секретом, бей. Жизнь меняется, и теперь у вас больше не получится ходить к русским в одиночку. Путь стал слишком длинным, а неверные стали слишком сильными. Чтобы напомнить русским о том, что они всего лишь наши беглые рабы, что они созданы Аллахом для нашего развлечения и услужения нам, требуется куда больше нукеров, нежели вы способны отправить в набег.

Хозяин кочевья обиженно поджал губы, поднял кувшин, в очередной раз наполнил пиалы и снова потянул руку к орешкам. Аримхан понимал его мученья: камаловскому бею снова приходилось принимать тяжелое решение, за которое, может быть, придется заплатить жизнями многим мужчинам из его рода. Редко когда из набега возвращаются все воины до единого, кому-то обязательно придется пролить кровь за благополучие всего кочевья. Сейчас помимо платы головой с него пытаются получить плату тайной. Неведомая никому, кроме камаловских нукеров, дорога не раз спасала целые сотни татар, сберегала добычу, полон от разграбления русскими порубежниками. Отдай тайну – и вскоре она станет известна всем.

Но если не поделиться секретом – ногайцы, разгадавшие тайну, вместе с родом Камаловых в набег более не пойдут. Кому хочется, чувствуя за спиной дыхание русских псов, знать, что сосед уходит от погони безопасным путем? Нет, либо тайной дорогой пойдут все, либо никто – и бей это прекрасно понимает. Так что думай, Низиб Камалов, думай. Ты можешь сохранить секрет и остаться в нищете. А можешь поделиться им – и тогда самаркандские купцы станут покупать у тебя русское серебро, меха, посуду, платки, деготь, атласы, зеркала, расплачиваясь полновесными динарами, тогда невольники станут собирать твои юрты перед походом и сидеть на козлах повозок, они станут засеивать и жать поля на твоём зимовье, пилить дрова, чинить утварь, рубить и таскать на продажу мясные туши. Русские рабыни станут услаждать тебя своим телом, собирать кизяк, вышивать халаты, варить похлебку и чистить котлы, стирать тряпье, ухаживать за детьми. Думай, Низиб, думай.

Аримхан выпил кумыс, занес руку над выставленными мисками, немного поколебался, а потом опустил ее на инжир.

– Русские все равно нас выследят, – покачал головой бей. – Русские глупы, но злопамятны. Они начнут погоню и не успокоятся, пока не попробуют нашей крови. Мои предки всегда шли на Русь вместе со всеми, и только на обратном пути сворачивали на тайную тропу. Русские гнались за теми, кто не знал секрета. Если мы исчезнем все, они либо найдут нас, либо обойдут леса и встретят нас на Каме.

Это было существенным аргументом. Гость признал про себя прозорливость бея: одно дело, когда уходящих врагов становится чуть меньше – тогда просто гонишься за теми, кого видишь. И совсем другое – когда противник пропадает совсем. Тогда его начинают усиленно

искать. Настала очередь Аримхана задуматься над своими аргументами – однако у него ответ нашелся практически сразу:

– Мы хотели устроить для русских урок втроем, уважаемый Низиб-бей, – улыбнулся он. – Четыре сотни нукеров от моего рода, шесть сотен от твоего, девять сотен выставит вотякский хан Фатхи Кедр. Вотякам ведь не нужно уходить за Каму, верно? Ну так пусть они и уходят домой... Сами!

Гость настолько весело расхохотался, что даже Камаловский бей волей-неволей улыбнулся.

– Да, вотякам своя дорога, а нам своя, – согласно кивнул хозяин.

– Так ты согласен принять участие в набеге, уважаемый Низиб-бей?

– Двадцать сотен супротив всей вятской земли, – разочарованно покачал головой татарин. – Они вырежут всех, даже если в поместьях останется только половина русских бояр.

– Их не останется, уважаемый Низиб-бей, – губы Аримхана уже в который раз тронула довольная улыбка. – Я знаю способ, как выгнать всех бояр из домов на несколько дней. Поместья будут пусты. Только смерды и много, много добра, которое просто ждет, когда истинный хозяин заберет его в свои руки.

Свияжск появился впереди неожиданно. Только что тянулись по сторонам от дороги густые ивовые кустарники, открывались колосающиеся поля и луга с мерно жующими траву коровами – как вдруг на расстоянии полета стрелы явились высокие бревенчатые стены с чешуйчатым, крытом дранкой навесом и приземистые башни, из бойниц которых зловеще выглядывали пушечные стволы. У ворот стояла стража из десятка стрельцов с бердышами – но путников служивые не трогали, пропуская всех невозбранно. Военное лихолетье уже давно укатилось от этих мест далеко-далеко на юг, и если кого и опасались местные смерды – так это разбойных шаек, что никак не желали примириться с рукой Москвы над здешним уделами и грабившими все и всех, как во времена прежней казанской вольницы.

Но к городам черемисские и вотякские шайки приближаться боялись, а потому стрельцы у ворот откровенно зевали, оглядывая проходящих купцов, смердов и прочий люд.

Обоз вкатился под терем надвратной башни²⁵, в пахнущий смолистым духом полумрак. Построенный царем всего три года назад город еще не успел растерять лесные запахи, привезенные из густых чащоб. Впереди открылся обширный, плотно утоптаный двор, все еще незастроенный здешними обитателями. Назначенная принимать идущие под Казань войска числом в десятки тысяч ратников, сохранять для них воинскую справу и еду, крепость все еще оставалась слишком большой для немногочисленных пока горожан.

Телеги, словно готовясь занимать оборону, замкнулись в кольцо, внутри которого оказались заводные лошади и сами воины. Освобожденных невольников Касьян исхитрился осторожно оттереть наружу.

– Вот вы и дома, братья, – скинув подшлемник, боярин Умильный перекрестился и низко поклонился бывшим татарским рабам. – Теперь вам путь открыт во все стороны, к родным порогам. Доброго вам здоровья и счастья на отчине.

А затем, пока никто не успел обратиться с благодарностью, плавно переходящей в просьбу, махнул, зовя за собой, Касьяну и заторопился в дальний от ворот угол, к Тайницкой²⁶

²⁵ Терем – помещение (строение) над воротами.

²⁶ Тайницкая башня существовала практически во всех крепостях – под ней обычно вырывали колодец или делали ход к источнику воды.

башне, возле которой поднимался изукрашенный белыми резными наличниками у крыши и слюдяных окон дом воеводы.

Двор управителя, царским именем, приволжской крепости, огораживал невысокий тын из кольев в полпяди²⁷ толщиной. От ворога за таким не оборонишься, но скотину чужую, али бродяжку безродного он не пропустит. Илья Федотович остановился перед воротами, перекрестился на висящую на верхней, поперечной балке икону Божьей Матери:

– Спаси, помилуй и сохрани нас, грешных, заступись перед Вседержителем небесным. Сошли благословение Господне на нас, и на дом сей. Пусть пребывают в нем покой и благополучие, да минуют его земные беды, мор и недород...

Пока боярин Умильный громко и обстоятельно читал молитву, во дворе за воротами слышалась торопливая беготня, суета, и только когда она утихла, гость, еще раз перекрестясь, степенно вошел в ворота.

Воеводская челядь почти вся разбежалась по углам, оставив у крыльца пару девок, над которыми, на широких дубовых ступенях, возвышался опирающийся на посох упитанный и розовощекий воевода Лукашин, Петр Семенович, в тяжелой горностаевой шубе и высокой горлатной шапке²⁸. Увидев гостя, он, словно в изумлении, слегка развел руки и спустился на несколько ступеней, громко воскликнув:

– Никак, Илья Федотович пожаловал?! Рад видеть, долгие тебе лета, боярин. Не желаешь сбитеня²⁹ горячего с дороги? Машка, поднеси корец³⁰...

Умильный насторожился. Дело в том, что воевода Лукашин роду-племени был невеликого, кормление³¹ свое получил не за заслуги, а всего лишь за отвагу во втором Казанском походе. И коли оставался на своем месте, так только потому, что великого дохода Свияжск принести своему управителю не мог. Посему уважение представителю рода бояр Умильных Лукашин обязан был показать великое – а он сбитень велит поднести не супружнице своей, а какой-то дворовой девке.

Хотя, с другой стороны – бабы, они животные такие, сегодня бревна таскать способны, а завтра от перышка в трясучку впадают. Сам же воевода и встречать на крыльцо вышел, и оделся лепо, и речь ведет вежливо... Пожалуй, здесь никакого неуважения нет, обижаться не на что. Илья Федотович с поклоном принял корец, неспешно, с достоинством его осушил и перевернул, демонстрируя, что не оставил ни капли:

– Благодарствую, боярин Петр Семенович. Здрав будь на многие лета.

Воевода махнул рукой, посылая вторую девку с угощением для сопровождающего гостя холопа, потом низко поклонился:

– Проходи, Илья Федотович, в дом. Расскажи, что видал, откуда вернулся.

– Благодарствую, Петр Семенович, – так же низко поклонился гость, – есть мне о чем рассказать, и дело к тебе есть государево.

Позади пискнула девка – похоже, Касьян, не связанный необходимостью чтить родовое достоинство, с удовольствием дал волю рукам.

– В людскую проводите служивого, – распорядился воевода и посторонился, приглашая гостя в дом.

²⁷ Пядь – расстояние между растянутых пальцев – между кончиками большого и указательного.

²⁸ Шуба в допетровские времена была предметом отдельной гордости своего владельца, а потому их нередко одевали даже в самую жуткую жару, хвастаясь богатством перед гостями или на царском приеме, не снимали в торжественные дни даже дома, если принимали гостей. Горлатная шапка – шапка, сшитая из горлышек зверьков с дорогим мехом.

²⁹ Сбитень – горячий напиток на основе меда и пряностей.

³⁰ Корец – небольшой ковшик.

³¹ Кормление – до Ивана Грозного бояре совершенно официально получали руководящие посты на местах «на кормление», работая не за жалование, а за взятки и подарки. Местное выборное самоуправление, аналогичное современному, Иван Грозный ввел только к 1556 году.

– Благодарю, Петр Семенович, – боярин Умильный повел плечами, звякнув кольцами байданы, и начал подниматься по ступеням. Он все еще считался в походе³², а потому мог спокойно обходиться броней, не натирая загривка дорогими шубами и кожухами.

Изнутри боярские хоромы выглядели столь же свежими и небогатыми, как и сама крепость: белые, пахнущие смолой бревенчатые стены безо всяких украшений, потрескивающие половицы, не успевшие закоптиться углы над образами. Бояре вошли в трапезную. Воевода занял место во главе укрытого подскатерником стола, гость сел на лавку по левую руку от него.

– Мальвазию³³ свежую купцы намедни привезли, – независимо отметил хозяин дома. – Я несколько бочонков прикупил.

– Хороша? – скромно спросил Илья Федотович.

– А мы отпробуем, – явно обрадовался воевода, поднялся со своего места, распахнул дверь во внутренние покои: – Остап, мальвазии кувшин принеси, кулебяку³⁴ сегодняшнюю, расстегаи³⁵ вчерашние, зайца и белорыбицы, что вотяки привезли.

– Вотяки не бунтуют? – к месту поинтересовался гость.

– Кто ясак по прежнему уложению платит, все довольны, – с готовностью пояснил воевода. – А кому разбойничать не даем, обижаются. Но я уже станишников полсотни на месте повесил, еще двенадцать³⁶ в Разбойный приказ отправил.

– Не балуют?

– Балует кто-то, но из чужих. С юга басурмане изредка приходят, чукчи³⁷ иногда насканивают, черемисы появляются. Государь о том мною извещаем многократно, и дважды походы против бунтарей посылал. В этом году боярин Петр Морозов ходил, город на Меше спалил, нехристей за Каму оттеснил, мордву и чувашей замирил.

Распахнулась дверь, румяная девка в белом ситцевом сарафане внесла на подносе долгожданный кувшин, два серебряных кубка, блюдо с пирогами, хлебом. Воевода, взмахом отпустив прислугу, своею рукой наполнил кубок гостя, затем свой, немного пригубил, по древнему обычаю показывая, что отравы в напитке нет.

– Она самая, Илья Федотович. Отведаешь?

– Отчего не отведать, – гость поднял кубок и в несколько глотков его осушил. – Хороша твоя мальвазия, Петр Семенович, спорить не стану.

– Кисловата, Илья Федотович. Видать, о прошлом годе лето холодное выдалось.

– Хороша, – покачал головою гость, то ли искренне, то ли из вежливости нахваливая угощения. – Ты, Петр Семенович, душою не криви. Хороша.

Опять распахнулась дверь, девка внесла блюда с целиком, вместе с испуганно прижатými ушками, запеченным зайцем и свернутой в кольцо, так, что хвост оказался в пасти, полупудовой белугой.

– Жмотятся вотяки, – не удержался от возгласа Умильный. – Могли бы и нормальную белорыбицу привести.

– Рыба вкусна, – не согласился хозяин. – И таковых довели они две дюжины. Здешняя белорыбица, знамо, не астраханская. Как поход выдался, Илья Федотович?

³² В 16 веке на Руси, равно как сейчас во всем мире, ходить в доспехах и при оружии в мирное время, не выполняя боевых задач, считалось неприличным.

³³ Мальвазия – в допетровской Руси зажиточные люди предпочитали употреблять французские и испанские вина. Реже – немецкое, «рейнское вино», более известное под наименованием «Петерсемена», по имени ввозившего его голландского купца. Но самым популярным вином была некая «романья» происхождения которой ныне неизвестно.

³⁴ Кулебяка – большой продолговатый пирог, в котором имелась многослойная начинка одна поверх другой: капуста, рыба, каша, мясо, грибами и т.д. Как это ухитрились запихивать в рот – науке неизвестно.

³⁵ Расстегай – пирог с открытой начинкой.

³⁶ Дву на десять – то есть, «два над десятью», двенадцать на современном языке.

³⁷ Сейчас в это трудно поверить, но многие века чукчи были грозой Сибири и сам Суворов по приказу Екатерины II вел с ними тяжелую войну, защищая присягнувшие России народы.

– Не было похода, – взялся за кубок гость. – Разбежались басурмане, не дали сабелькой вострой во поле поиграть. Неужто не знаешь?

– Да прошли уже домой обозы бояр Грязного и Сатоярова, да они ничего сказывать не захотели.

– И я не стану, – отпил вина гость. – Хвалиться ноне нечем. Ты мне о другом молви, Петр Семенович. Отряд стрелецкий у боярина Морозова в приволжских степях не пропадад?

– Не случалось подобного, – твердо ответил хозяин. – Боярин Борис Солтыков о прошлом годе от луговых людишек³⁸ разор потерпел, две сотни стрельцов убитыми потерял, и столько же в полон попало. Но нынешним летом среди служилых людей урона почти не случилось. Да и не ходили они ниже Казани, по Каме и Моше станишников вычищали.

– И отсель никто на Поволжье не ходил?

– Вот те крест, Илья Федотович, – размахисто осенил себя воевода и скинул на скамью шубу, оставшись в подбитой куньем мехом ферязи³⁹. Вздохнув наконец полной грудью, хозяин осушил кубок, отер усы бордовым рукавом полотняной рубахи и притянул к себе блюдо с зайцем.

– А с других мест стрельцы ниже Казани отправиться не могли?

– Откель, Илья Федотович? – удивился воевода, обнажая длинный кинжал. – Московские рати на Астрахань ушли, а прочие мою крепость минуют, иной дороги нет. Да и некому. Чердынские бояре свои усадьбы от станишников обороняли, что воевода Морозов гнал. Рязанцам и владимирцам за Суру и Волгу ноне не перейти, воды много. Разве молодые корсюньковские помещики побаловать решили?

Тяжело вздохнув, гость допил вино из кубка – воевода с готовностью наполнил объемный сосуд снова, затем отрезал крупный шмат хлеба, отрубил заднюю часть зайца, переложил весь кусок целиком на хлеб и придвинул боярину Умильному.

– Странное дело случилось со мной ныне, Петр Семенович, – отхлебнув мальвазии, гость извлек широкий охотничий нож, отрезал заячью лапу, откусил постного коричневатого мяса. – Возвращаясь из Астраханского похода, услышали мы стрельбу в степи. К самой сече не успели, но раненого одного подобрали.

– Чьих будет?

– То как раз неведомо, Петр Семенович. Обеспамятовал бедолага совсем, имени отчего не помнит, как в степь попал, не знает. Мыслил я, хоть ты знаешь, кто в поволжских степях дело ратное супротив татар ногайских ведет.

– Прости, Илья Федотович, – покачал головой воевода, – но и краем уха ничего не слышивал.

– А может, упомнишь человека служивого? Заметен он изрядно: росту – косая сажень. Глаза – коричневые, как кора сосновая. Сам брит, волосы короткие, не иначе, как с зимы нетронутые.

– Холоп? Стрелец? Боярин?

– То неведомо, Петр Семенович, – отложив кость, боярин Умильный прихлебнул вина. – Назвался Андреем. Я поначалу за стрельца счел, но как разговоры служивый вести начал, так и засомневался. Больно держит себя уверенно, достоинство внутри несет. Как воевода обращается, не холоп. Страха нутряного нет, что в смердах и кабальных завсегда чуется. Явно кнута никогда в жизни не опасался служивый, голода и холода не терпел.

– На Руси от голода не умирают, – ответил старинной поговоркой воевода.

³⁸ Так они в летописях и называются – луговые люди. А кто такие на самом деле – неведомо.

³⁹ Ферязь – дорогая одежда из узорных тканей с кружевами, с узкими рукавами или без оных. Обычно одевалась под шубы и кафтаны.

– Не то, Петр Семенович, – мотнул головой боярин. – Равного он во мне чует. На холопов с усмешкою глядит. Травы мокрой терпеть не желает, по три раза на дню менять просит. Руки его белые, нежные, без мозолей. Однако раны на теле ратные, от стрел татарских. Чем воевал, ума не приложу. Выстрелы слышал. Но на стрельца болезный не похож.

– Так давай, посмотрим на твоего увечного, – пожал плечами воевода. – Бог даст, узнаю.
– Добре, – кивнул гость. – Пошли.

На залитом солнцем дворе Илья Федотович с облегчением увидел, что получившие свободу полоняне разбрелись от обоза по сторонам. Теперь, вестимо, пойдут в церковь, Бога за избавление от гнета благодарить, а затем – и далее, на родную землю. Кто-то, видимо, в монастырь подастся, дабы крышу над головой и кусок хлеба получить, кто-то сам отправится родичей искать, а кто-то и воеводе Лукашину головную боль устроит – попутчиков в нужный город подбирать.

Холопы успели выпрячь и напоить коней, и теперь задали им сена. По деревенской глуposti, естественно. Лошадям после похода сено задают, чтобы от постоянной зерновой подкормки брюхо не пучило. А ноне они половину дороги свежую травку щипали. Стало быть, ячменя им давать потребно, или овса. А сено можно и до зимы поберечь.

Но при воеводе выволочку холопам боярин делать не стал – только головой покачал и подвел Петра Семеновича к повозке с раненым.

– Ого, – восхитился ростом болящего воевода. – Да он, вижу, коня подмышку без труда запахнет⁴⁰. Чьих будешь, служивый?

– Не помню, добрый человек, – Матях попытался приподняться на локте, но у него тут же закружилась голова.

– Какой же я добрый человек? – вроде даже обиделся боярин Лукашин. – Воевода я здешний. А вот ты кто таков? Может, лазутчик литвинский?

– Не может, – мотнул головой Андрей. – Языка, кроме русского, не знаю.

Бояре дружно расхохотались⁴¹, и Илья Федотович чуть ли не с гордостью молвил:

– Вот видишь, Петр Семенович, совсем обеспамятовал молодец. А богатырь изрядный. Ни одна одежда наша на него не налазит. Как подобрали голого, так и везем.

– Сему горю я помогу, – кивнул воевода. – Есть у меня и полотно, и паволока⁴². Велю справу достойную сшить. А откуда взялся молодец, не ведаю. Такого не заметишь трудно. Стало быть, через Свияжск не проходил.

– С татарами ногайскими он сражался, в сече и раны получил, – на всякий случай напомнил боярин Умильный.

– Так басурмане и меж собой дерутся изрядно, – пожал плечами воевода. – Опять же, купцом молодец может стать оgrabленным.

– Пищальную стрельбу и я, и холопы мои слышали, – повторил боярин. – А откуда у ногаев или купцов пищаль?

Матях затаился, прислушиваясь к разговору. По всему выходило, местные отцы-командиры должны были принять его за своего. Но вот что они станут делать с «неизвестным солдатом», не имеющим документов и знакомых?

– Молебен благодарственный я сегодня закажу, – сообщил Илья Федотович, – за благополучное и бескровное окончание похода. Прикажу служивого в храм принести. Может, Господь ему разум и вернет.

⁴⁰ Принято считать, что в средние века люди были заметно ниже наших современников – 150-160 см. А вот лошади были ниже совершенно точно: стандарт для чистокровного арабского скакуна – 150 см., обычный хороший боевой конь – 130-140 см. По современным понятиям – пони.

⁴¹ Государственным языком Великого княжества Литовского был русский – на нем разговаривали, вели переписку, на нем велось все делопроизводство.

⁴² Паволока – общее наименование импортных тканей.

– А коли не поможет, – добавил воевода, – можно в Белозерский монастырь его отправить. Тамошние монахи бесов изгонять издавна навострились. Именем Божиим и преподобного Кирилла⁴³, святой иконой Смоленской Богоматери.

– Нет, в монахи не хочу! – испугался Матях. Перспектива провести всю жизнь в темной келье его отнюдь не обрадовала. Тем более, что «память» таким путем ему все равно никто вернуть не сможет.

Бояре опять рассмеялись, и Илья Федотович задумчиво пригладил бороду:

– В Москву я нонешней осень поехать собираюсь. Мобыть, там служивого кто узнает? Стрелецкие между собой дружны, да и бояре всех родов в стольном городе обитают. Узнают кровника.

– Так тому и быть, – согласился воевода. – Пусть у тебя поживет, Илья Федотович, пока на ноги не встанет. А там, глядишь, и искать его кто начнет. Коли вести какие дойдут, я тебе немедля отпишу.

К удивлению Андрея, обещанную воеводой одежду принесли уже к вечеру – девчушка лет десяти в длинном платье, расшитом красно-синими цветами и в пронзительно-алом платке, глупо посмеиваясь, положила рядом на телегу темно-синюю рубаху из материала, очень похожего на атлас, и черные шаровары тонкой мягкой шерсти. Трусов в подарочном комплекте не предусматривалось, обуви – тоже. Вскоре появился и Касьян. Воин нес свой панцирь⁴⁴ через руку, словно промокший плащ, вкусно пах пивом, а на лице имелось умильное выражение кота, обожравшегося ворованной колбасой.

– Как здоров, служивый? – поинтересовался он. – Не оголо-лодал? Без меня, небось, никто не догадался хлеб-соль поднести, попотчевать горячим...

– Одеться хочу, – бывшего сержанта действительно никто из обозников кормить не стал, у всех нашлись в первом русском городе важные дела, потребовавшие куда-то срочно отойти. Но валяться голым Матяху надоело куда сильнее, нежели голодным.

– Это мы сейчас сделаем... – Касьян скинул на повозку тихо, словно потрепанная кленка, шелестнувшую кольчугу, сладко зевнул, развернул рубаху: – Паволоки воевода не пожалел. Ну, поднимай руки.

Накинув рукава, воин приподнял раненого под затылок, помог просунуть в ворот голову, расправил ткань. Завязал витые желтые шнурки, заменявшие пуговицы. Косоворотка оказалась даже велика – шилась, видать, с запасом. Затем они совместными усилиями натянули штаны. Касьян небрежно вышвырнул прямо на землю завядшую траву, куда-то ушел, вернулся с сеном, напихал ее раненому под спину.

– Нам далеко еще ехать? – как бы мимоходом поинтересовался Матях.

– До усадьбы боярской? – опять зевнул воин. – Еще полторы сотни верст. Поперва до Хлынова⁴⁵, а уж потом на юг, к Столбам. Успеешь на ноги встать, служивый. А сапог тебе, воевода, стало быть пожалел? Ну, ништо. Сейчас поршни свяжем.

Касьян, непрерывно зевая, утопал, спустя четверть часа вернулся, неся в руках несколько заячьих шкур – косых за время похода всадники наловили преизрядно, каждый вечер хоть пару, но запекали. Воин, прищурившись на босую ногу Андрея, быстрым движением ножа

⁴³ Преподобный Кирилл – инок, основавший, по благословению самого Сергия Радонежского, Кирилло-Белозерский монастырь.

⁴⁴ Панцирь – на Руси так называлась отнюдь не кираса, как иногда думают, а кольчуга специального панцирного плетения, в которой половина колец лежала не плашмя, а стояло ребром, образуя тонкую, но упругую стальную подушку.

⁴⁵ Хлынов – ныне город Киров.

вырезал из одной шкурки продолговатую заготовку, наложил на другую шкурку, чиркнул ножом. Затем приложил заготовку к ступне, загнул края наверх, обвязал вокруг голени тонким ремешком. Точно так же изготовил корявое подобие сапога и на другую ногу.

– Все. Пару дней походишь, шкура по ноге утопчется, потом спереди разрез сделаем, а сзади ушьем. Я на охоту завсегда в поршнях хожу. Мягкие они, ногу ласкают, скрипа никакого.

– Ты давно Илье Федотовичу служишь? – решил Матях начать понемногу собирать информацию об окружающем мире.

– Давно, – в очередной раз зевнув, Касьян запрыгнул на повозку и улегся в ногах у Андрея поперек телеги – затылком опершись на жердь борта с одной стороны, а ноги свесив с другой. – Я еще деду его, Луке Васильевичу в холопы продался.

– А зачем? – удивился бывший сержант, хорошо помнивший со школьных времен, что все рабы стремятся к свободе.

– Молод был, хозяйство у отца хилое. Да и руки к сохе не лежали, – сонно ответил воин. – А в холопах лепо. Боярин кормит-одевает, тяглом и оброком никто не давит. Серебра, опять же, отсыпали. Да и счас, что получил, все твое. Хошь – в кабак неси, хошь – обнову справляй. О харчах и доме пусть Илье Федотыч размысливает. А наше дело холопье...

Касьян зевнул в последний раз и размеренно засопел.

Солнце медленно опускалось за крепостную стену. Часть обозников вернулась и стала зарываться в сложенное у яслей сено. Но многих знакомых лиц Андрей в этот вечер так и не увидел. Видать, нашли себе на ночь постель послаще и потеплее.

Об ужине Матях особо не беспокоился. Голода особого он не испытывал, а утро в обозе каждый день начиналось с плотного завтрака. Но в этот раз вышел жестокий облом: на рассвете, вместо того, чтобы палить костры и заваривать сытный кулеш⁴⁶, обозники принялись переодеваться, скидывая войлочные и стеганные поддоспешники, и напяливая вместо них яркие зипуны, подбитые мехом душегрейки, а то и длинные шерстяные плащи с большими яркими заплатами⁴⁷. Про раненого тоже не забыли – Андрея переложили на жесткие деревянные носилки, подложили под голову чей-то скрученный поддоспешник, прикрыли пахнущим дымом меховым плащом.

Тоскливо удалил колокол, словно отпевая кого-то из великих этого мира. Ударил еще раз – и тут же эхом отозвалось несколько более тонких колокольных голосов. Матяха подняли и понесли.

Крепостная церковь, как выяснилось, вплотную примыкала к одной из башен, плавно перетекая в стену. Шатер колокольни прямо возвышался над площадкой для стрелков, округлый купол храма глядел наружу узкими бойницами... А может, это было всего лишь украшение – в конце концов, в оборонительных системах шестнадцатого века Матях разбирался слабо.

В храме царил глубокий полумрак, спертый воздух пах горячим воском, сладковатым ладаном, дымом. Все люди, которых Андрей мог разглядеть со своего места, держали в руках тонкие коричневые свечи. Минутой спустя точно такую же, уже зажженную свечу принес заботливый Касьян, дал раненому – бывший сержант зажал ее в ладонях и подумал, что стал в точности похож на подготовленного к отпеванию покойника.

– Господу помо-о-о-лимся!!! – наполнил помещение густой и низкий, как у скатывающейся со склона лавины, мужской бас. – Господу помо-о-о-лимся!!!

Призвав прихожан к молитве, священник начал петь менее разборчиво. Матяху удалось понять только то, что Бога благодарят за успешное окончание похода и за спасение от ран и смерти. Кислорода в воздухе оставалось все меньше и меньше, и Андрей почувствовал, что

⁴⁶ Кулеш – похлебка из муки с салом.

⁴⁷ Эти «заплаты» назывались «вошвами», делались из дорогих тканей, украшались золотой и серебряной вышивкой, драгоценными камнями и считались украшением.

вот-вот «отключится». А может и в самом деле отключился – носилки качнулись, от неожиданности он попытался приподняться, упал.

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа, – уходящий куда-то в инфразвук бас накатывался, словно желая проглотить гостя из далекого будущего. Матях закрутил головой, выронил свечу. По храму прокатился испуганный вздох. – Господи Иисусе, Иисусе Христе, молитв ради Пречистой Твоей Матери и всех святых, смилуйся над рабом Божиим Андреем, живота не жалевшего ради земли Святой, Имени Твоего и помазанника Господнего. Приди и вселися в ны, и очисти ны от всякой скверны, и от боли, и от раны, и спаси Боже, душу его... Прим-и-и причастие, сы-ын мой...

Выросший рядом с носилками священник в черной рясе, со скрещенным на груди, шитым золотом полотенцем, поверх которого покоился массивный крест, протянул раненому большую деревянную ложку. Андрей покорно выпил, ощутил, как что-то горячее потекло вниз по пищеводу, в тоскующий от голода желудок, торопливо закусил выданным попом кусочком хлеба. В голове мгновенно зашумело, на душе стало легко и спокойно. Сержант даже приподнялся на локте, улыбнулся, попытался сказать «спасибо» – но храм опять наполнился перекрывающим все, хорошо поставленным басом:

– Слава Тебе, слава Тебе, сла-а-ава Господу нашему, слава Бо-о-оже наш!!!

– Ну что, полегчало после причастия? – тихонько поинтересовался Касьян, когда носилки отнесли назад к входным дверям.

– Еще как, – кивнул Андрей, окончательно осоловевший от выпитого и закрыл глаза.

– Снедать не хочешь? – без всякого перерыва поинтересовался Касьян. Матях открыл глаза и обнаружил себя снова на телеге, в которую угрюмый бородатый возничий запрягает лошадь. – Хорошо, служивый, имени ты своего не запомнил. А то бы за кого здоровья молить? Вот, воеводская стряпуха сегодня потчевала. Садись, служивый, отведай боярских пряженцов⁴⁸.

Старый воин был настолько уверен, что причастившийся Матях сможет легко сесть, что уверенность передалась и Андрею. Раненый оперся о доски днища руками – и действительно смог занять вертикальное положение! Голова, правда, еще кружилась, но в остальном он чувствовал себя нормально.

– Вот, держи, служивый, – Касьян протянул большой ковш с квасом и тряпицу с несколькими румяными пирожками. Оголодавший сержант навалился на еду и успел умять больше половины еще до того, как обоз двинулся в дальнейший путь. Кровь радостно отлила от головы к желудку, и Андрею пришлось снова лечь.

Возничий забрался на козлы, причмокнул, встряхнув вожжами – и повозка снова затряслась.

Изменилось немного. Всадники ехали теперь без доспехов и оружия. Пареньки помоложе щеголяли яркими шелковыми и атласными рубахами, красными и синими сапогами, разноцветными штанами, вышитыми вдобавок витиеватыми узорами. Воины постарше оставались либо в суконных куртках – или ярких, или серых, но с цветастыми заплатами, либо в подбитых мехом безрукавках. Боярин Умильный предпочел темно-синюю, плотно облегающую куртку из драповой шерстяной ткани, из которой в двадцатом веке обычно шили пальто... Или станут шить? Ворот и обшлага рукавов были обиты коротким коричневым мехом, а вместо пуговиц красовались крупные драгоценные камни – не стекляшки же боярин себе нашивал?

Как понял Матях, после благодарственного молебна война для обозников как бы закончилась, и теперь они стали мирными людьми. В общем, все как в двадцатом веке: службу отслужил с автоматом на плече, демобилизовался, а потом за ношение оружия – сразу статья.

⁴⁸ Пряженец – жареный пирожок.

Правда, здесь боевое снаряжение в «оружейку» никто не сдавал – оно зловеще позвякивало на трех передних телегах.

На второй день обоз выехал на берег довольно широкой, не менее ста метров, реки. Мощеная камнем и присыпанная мелкой гранитной крошкой дорога повернула верх по течению, но всадники решительно въехали в воду, высоко разбрызгивая искрящиеся на солнце брызги. Андрей подумал, что, как и перед переправой к Свяжску, возчики начнут перегружать барахло с повозок на спины заводным лошадям – но мужики решительно направили телеги поперек стремнины. Сержант приподнялся, ожидая, что его сейчас зальет – но глубина этого брода, не в пример предыдущему, оказалась немногим выше колесных ступиц, и на раненого разве что плеснуло несколько раз излишне высокой волной.

За переправой тракт стал заметно уже – ближние сосны и осины отстояли друг от друга метра на три, смыкаясь наверху кронами. Зато прекратилась мелкая противная тряска – повозки величаво покачивались на пыльной грунтовке, лишь изредка вздрагивая из-за выпирающих узловатых корней. То ли благодаря молебну и причастию, то ли благодаря восстановлению потерянной крови, но чувствовал себя Андрей все лучше. Сознания он больше не терял, ехал сидя, свесив ноги с телеги на сторону, по нужде кое-как добредал своими ногами, а на четвертый день даже попытался идти пешком, придерживаясь на всякий случай за жердину борта. Погруженным в мягкий заячий мех ногам ступалось легко, словно босиком по персидскому ковру.

Дорога из очередной чащобы как раз выбралась на луга – конные немедленно разъехались в стороны, с шелестом пробиваясь сквозь высокую траву. Боярин поравнялся с Андреем приветливо кивнул:

– Никак, на ноги встал, служивый? То добро. Не станем более повозкой трясушей тебя мучить. Эй, Трифон! Оседлай гостю коня из заводных, пусть от досок тележных отдохнет.

– Вот блин... – себе под нос буркнул Матях. Ему сразу захотелось прыгнуть назад на сено и прикинуться больным и немощным. За свою жизнь самым близким к лошади транспортным средством, на котором ему довелось поездить, был мотоцикл. Да и с того едва не загремел, слишком сильно даванув на ручной тормоз.

Но, с другой стороны – рано или поздно, в седло придется подниматься. Ничего не поделаешь, здешний мир держится только на лошадях, и прожить здесь без них все одно не удастся. Так что, откладывая сию минуту смысла не имеет: раньше сядешь, раньше поедешь. Все вокруг, вон, скачут, и ничего.

Трифон, издав далеко видимый благодаря ослепительно-алой рубашке, прямо с седла наклонился над одной из задних повозок, подобрал сбрую, поскакал назад, к бредущему позади телег небольшому табуну. Вскоре паренек нагнал обоз, ведя в поводу красновато-рыжего, с черным хвостом и вороненой гривой скакуна.

«Гнедой, – откуда-то из подсознания всплыло правильное слово. – Рыжих лошадей не существует».

Холоп доскакал до Андрея и, сблизившись с ним, изумленно перекрестился:

– Господи святы...

– Вот, блин, – не менее удивленно вслух пробормотал Матях. Лежа на телеге, он смотрел на всадников снизу вверх, и они казались ему довольно высокими, выглядели рядом с лошадьми даже немногим выше привычных пропорций. Но сержант никак не ожидал, что встав, он увидит уши боевого скакуна у себя на уровне груди, а само туловище окажется немногим выше пояса. Воины из отряда боярина Умильного так же видели ранее подобранного в степи стрельца только лежащим и, хотя с самого начала восхищались его ростом, но никак не

ожидали, что глаза сидящего верхом всадника придутся аккуратно вровень с глазами выпрямившегося Андрея⁴⁹.

– Стремена приспусти, Трифон, – первым справился с удивлением Илья Федотович, – насколько ремня хватит. Подпрыгу проверь. Неровен час, сорвется.

Подняться в седло труда не составляло – стремя болталось на высоте колен. Матях, хорошенько оттолкнувшись, словно перед прыжком, запрыгнул коняге на спину и тут же поморщился от неожиданной боли в паху. Скакун, даром что ростом не вышел, тушу имел широченную, колени чуть не в стороны вывернулись. Да и длиной лошак больше тянул на крокодила, нежели на ослика.

Взгромоздясь, Андрей потянулся за поводьями – лошадь шагнула вперед, поддав его задней лукой седла в поясницу. Седок, пытаясь удержать равновесие, с силой сжал пятки и колени – коняга неожиданно резво рванул с места в карьер, больно стуча деревянным седлом по непривычной сержантской заднице. Матях сжал ноги еще сильнее, пытаясь дотянуться до узды – то, что останавливаться нужно, натягивая поводья, он из многочисленных поговорок знал. Передняя и задняя лука попеременно били его в поясницу и живот, скакун бешено хрипел, мотая головой, близкая трава мелькала с такой скоростью, будто он мчался на «Су-30» на бреющем полете. Наконец пальцы нащупали узкий ремешок повода. Андрей с облегчением рванул его на себя, наконец-то расслабляя ноги – и вдруг обнаружил, что конь остался стоять где-то позади, а он все еще продолжает нестись с прежней скоростью. Грива чиркнула промеж ног, послышалось залиvistое ржание, и в голове успела промелькнуть только одна мысль, короткая фраза, каковой он так часто потчевал новобранцев:

– Надо тренироваться...

Затем ступни зацепились за спутанные колосья и Андрей со всего разгона плашмя грохнулся о землю.

⁴⁹ Автор считает нужным еще раз напомнить: рост лошади шестнадцатого века в холке – 140 см.

Глава 6

Рагозы

– Не везет служивому, – покачал головой Илья Федотович. – Не успел от ран оправиться, так лошадь под ним понесла. Касьян, уложите его обратно в телегу. Как в усадьбу вернемся, в светелку возле терема снесите, пусть еще пару дней отлежится.

Распорядился – и забыл о странном ратнике, всеми мыслями устремляясь вперед. Обоз миновал поворот в сторону усадьбы боярина Смолина, и люди, не сговариваясь, начали погонять лошадей. Солнце еще не перевалило полдень, а значит – можно успеть до дома еще сегодня, во вторник. Тогда и разговориться удастся без острастки⁵⁰, выспаться под родной крышей, в мягкой постели.

Впереди снова блеснула вода, и неугомонный Трифон радостно заорал:

– Лобань! Лобань течет, – после чего въехал на самую середину широко раскинувшего плеса и натянул поводья, не давая разгоряченному скакуну хватить ртом студеною воду.

– Сам вижу, что Лобань, – недовольно буркнул боярин, так же въезжая в реку.

Отсюда, от этой стремнины и далее к восходу на полста верст лежали его земли вместе с полями, лесами, пятью деревнями и шестнадцатью выселками. На севере угодья Ильи Федотовича Умильного граничили с полями Богородицкого монастыря, на юге – с лесистыми владениями боярина Дорошаты. Если за время похода ничего не изменилось – под рукой помещика имелось шесть с половиной сотен крепостных, четыре с половиной тысячи чатей⁵¹ пашни, бондарская мастерская, три кузни и две водяные мельницы на реке Еранка. Богатое хозяйство, требовавшее, от владельца постоянного внимания и присмотра. Вот и сейчас, вглядываясь в песчаные струйки, вымываемые течением из-под копыт коня, боярин прикидывал – не ушла ли вода из реки? Хватало ли дождей у смердов на полях? Не встали ли от безводья мельницы?

Лобань, и без того в самом глубоком месте едва скрывавшая человека по грудь, здесь, на плесе, казалась пугающе мелка. По колено, не более. Неужели и вправду земля под солнцем выгорела? В астраханских степях за все время похода ни единого дождя не выпало. Как бы и здесь засухи не случилось...

– Не хмурься, Илья Федотович, – словно угадав его мысли, остановился рядом Касьян. – Вон, облака каки по небу тащатся. Тяжелы, ако коровы недоенные. В сухи месяцы таковых не бывает.

Боярин покосился на своего холопа, резко дал шпоры коню и, обгоняя вязнущие в песке повозки, выметнулся на противоположный берег. Здесь, сразу за прибрежными зарослями, почти на полверсты от реки шла полоса залежи⁵², которую хитрый хуторянин Антип, осевший здесь десять лет назад, забросал горохом. И ничего, гибкие плети, увешанные стручками, густо оплетали поднявшийся по пояс бурьян, ничуть не собираясь сохнуть.

У Ильи Федотовича отлегло от сердца: быть ему ныне осенью с хлебом, не пропадет. Разве только саранча с Казанских степей налетит – тогда ничем не спастись будет...

Всадник испуганно перекрестился, вытянул из-под рубахи нательный крест, поцеловал, спрятал обратно, оглянулся на обоз. Телеги одна за другой выползли на дорогу, переваливаясь через прибрежный глинистый гребень, на котором не могло вырасти ничего, кроме неприхотливого подорожника.

⁵⁰ По средам, согласно православному обычаю, верующие соблюдают пост.

⁵¹ Чать – примерно полгектара земли.

⁵² Залежь – пашня, которая из-за истощения земли длительное время не обрабатывалась. Залежь снова вспахивали через 8-10 лет.

– Ермила! – окликнул он тридцатилетнего широкоплечего холопа в полукафтани⁵³ зеленого сукна, мерин которого задумчиво вышагивал возле передней повозки. – Веди обоз к усадьбе. Касьян, Трифон, за мной!

Трое всадников сорвались с места и помчались по узкой тропе, тянувшейся вдоль воды. Примерно через час стремительного галопа боярин перевел скакуна на неширокую спокойную рысь, давая коням возможность перевести дыхание, отвернул от реки, поднялся через свежескошенный луг на холм, прозванный местными смердами Оселедцем за растущий на самой макушке небольшой березнячок. Отсюда открывался широкий вид во все стороны, и Илья Федотович смог одним разом увидеть и поблескивающие разливы перед мельницами на Еранке, и коричнево-желтые колосающиеся поля от подножия и до самого Рыбацкого леса. Между лесом и рекой сгрудились вокруг белокаменной, крытой темно-бурой черепицей церкви два десятка домов деревни Большие Рыбаки. Даже отсюда было видно, что почти в каждом дворе поднимаются высокие стога уже высушенного сена. Не ленятся смерды, запасаются на зиму. Дальше, за лесом, в темном пятне почти у самого горизонта скорее угадывалась, нежели различалась еще одна деревня – Рагозы, неподалеку от которой и стояла боярская усадьба. Между Рагозами и лесом тянулась желтая полоса: тоже, видать, хлеба поспевают. Слева, опять же у горизонта, золотые блики пускали купола Богородицкого монастыря. Саму обитель увидеть на таком расстоянии было никак невозможно, но Божьим соизволением свет ее храмов простирался на сотни верст округ.

Оглядываться Илья Федотович не стал. Он знал, что от самых его владений и вплоть до далеких Вятских полян лежали густые, непролазные лесные чащобы, в которых не водилось не то что бортников или татей, но и промысловиков, сторонящихся непуганой лесной нечисти.

– К рыбакам заглянем, батюшка Илья Федотович? – устал стоять на одном месте Трифон. – Узнаем, может хоть в этом году чего поймали?

Рыбаками обитателей деревни дразнили за то, что переехав сюда с Ладожского озера вместе с дедом нынешнего боярина, смерды по привычке попытались организовать ловлю в здешней речушке, в разливе перед уже тогда стоящей мельницей. Однако десяток откормившихся здесь щук и окуней попался в первый же раз, и с тех пор сети, на потеху окрестных обитателей, вытаскивали из воды одних лягушек. С тех пор прошло больше полувека, переселенцы забыли надежду хоть как-то улучшить благосостояние с помощью рыбалки, но прозвище осталось за ними навсегда.

– Ни к чему, – отмахнулся боярин, натягивая правый повод и заставляя коня развернуться на месте. – И так вижу, лепо все. Дальних деревень не разглядеть, но коли здесь урожай, там и там хуже быть не должно.

Трое всадников обогнули березняк, спустились по другой стороне холма, спокойной рысью проехали вдоль межи, разделяющей ржаное поле и покрытое темными пятнами пастбище, выехали на утопанную грунтовку, ведущую к мельницам, и пустили скакунов в галоп. К тому моменту, когда они, завершив десятиверстный крюк, вернулись на основной тракт, обоз как раз успел добраться до росоха⁵⁴ и поворачивал в сторону Рагозы. Илья Федотович и холопы перешли на шаг, присоединившись к отряду. Однако, стоило коню немного остыть и успокоить дыхание, как боярин внезапно дал ему шпоры и во весь опор помчался вперед.

Следом, с залихватским посвистом и веселыми воплями, размахивая плетью и подбрасывая яркие шапки, понеслись холопы. Две оставшиеся до родного очага версты промелькнули – и не заметишь. Копыта гулко простучали пыльной деревенской улице. Смерды, заметившие хозяина, срывали с голов шапки и низко кланялись – но большинство так и не успело выгля-

⁵³ Полукафтан – короткая суконная куртка с длинным рукавом и глубоким запахом, при котором застежки оказывались на левом боку.

⁵⁴ Россох – распутье, перекресток трех дорог.

нуть со своих дворов и понять, что случилось. На колокольне вслед весело улюлюкающему отряду тревожно ударил колокол. Однако в усадьбе прекрасно поняли, в чем дело, и ворота встречали возвращающегося хозяина широко распахнутыми створками.

Боярин влетел на середину двора, натянул поводья, осаживая коня, спрыгнул на землю. Гликерия была уже здесь, в атласном платке и кумачевом сарафане⁵⁵, низко поклонилась, махнув рукой до земли:

– Здравствуй, Илья Федотович.

Умильный шагнул было к ней, но тут с крыльца сбежал русоволосый зеленоглазый мальчишка, босой, в черных шароварах и шитой алым карушлином рубаше, со всего разбега прыгнул на него:

– Батюшка! Батяка вернулся!

Отец, усмехнувшись в бороду, крепко прижал его к себе. Надо же – «Батяка!». Трудно поверить, что уже через два года мальчишке исполнится четырнадцать, он будет зачислен в новики, начнет брить голову и вместе с отцом станет выезжать в ополчение, острой саблей и быстрой стрелой защищать порубежье от басурман и схизматиков⁵⁶.

– Батюшка, а я с лука уже на сто сажений хвост попадаю! – словно подслушал его мысли долговязый Дмитрий. – Давай покажу, у меня столб за стеной вкопан...

– Дай отцу отдохнуть с дороги, – немедленно вмешалась мать. – Что сразу беспокоить начинаешь?

– Да пускай, – прижимая к себе сына, шагнул к ней Умильный. – Никита где?

– Занедужил, батюшка. Видать, водой колодезной с жары опился. А Серафима и Ольга с Алевтиной Куликовой в Богородское на молебен уехали. Я им пятерых холопов с собой дала, из страдников⁵⁷. За три дня у них с хозяйством беды не случится. Прасковья осталась, с Никитушкой сидит.

– Ох, Прасковья, добрая душа, – покачал головой боярин. – В обозе раненый едет. Мыслью, стрелец московский. Память ему отбило. Пусть и за ним походит.

Во двор стали один за другим влетать поотставшие холопы, и усадьба мгновенно наполнилась шумом и толчеей.

– На сегодня все работы прекратить, – разрешил подворникам хозяин. – Баню для всех топить немедленно! Ставьте здесь стол, хозяйюшка моя угощение выделит, три бочонка вина из погреба взять дозволяю. Поминать нам сегодня некого, все целыми вернулись. То и празднуйте.

– Ура Илье Федотовичу! – тут же отозвался Трифон. – Любо боярину!

Умильный погрозил холопу кулаком: чай, не казацкая вольница – «Любо» кричать, но карать не стал. Тем более, что челядь восторженно подхватила:

– Ура батюшке! Ура Илье Федотовичу!

– Митрий, – кивнул сыну на двор боярин. – Проследи тут за порядком, пока мы с матерью к Никите сходим.

Мальчишка с готовностью расправил плечи, двинулся к подворникам:

– Ярыга! Тит, тебе сказываю! Прими коней, к ручью на водопой своди. Да шагом, гляди, шагом, горячие они, пусть остынут. Трифон, не скалься, мерина своего сперва расседлай. Трофим, Федор, сено от частокола быстро сгребите, телеги сейчас подойдут. Успеете за столами сбегать, поперва место расчистите!

⁵⁵ Кумач – очень популярная в 16 веке хлопчатобумажная ткань. Правда, шили из нее не флаги, а сарафаны.

⁵⁶ Схизматики – католики, протестанты и прочие сектанты, отколовшиеся от истинно христианской веры. Все они в свою очередь по сей день считают православных язычниками.

⁵⁷ Страдник – холоп, посаженный на землю (обрабатывающий ее для хозяина).

– Хозяин растет, – с довольной улыбкой шепнул на ухо жене Илья Федотович, поднимаясь вместе с ней на крыльцо. А когда за ними закрылась дверь, он наконец-то крепко, по-настоящему прижал ее к себе, – ну здравствуй, супружница, – и прижался губами к красным горячим губам.

Усадьбу Умильных строил еще дед Ильи Федотовича, Порфирий Путиславович Умильный, которого дед нынешнего государя после жидовского бунта⁵⁸ выселил из Новгородских земель, конфисковав обширное имение возле Корелы⁵⁹, и дав взамен равные по размеру земли неподалеку от Хлынова, в вятских землях. Дед, насколько слышал Илья Федотович, о выселении особо не жалел, поскольку вместо каменистых россыпей, перемежающихся с песчаниками и озерами, получил более трех тысяч чатей одной только пашни, не считая лугов, лесов и залежей. В полуверсте от самой крупной из деревень Умильный поставил прямоугольник китайской стены сто на сто саженой – полсотни срубов, заваленных камнями и засыпанных сверху глинистой землей, а поверху пустил еще и дубовый частокол.

Отец, Федот Порфирьевич, приняв хозяйство, снес избы, стоявшие под защитой стен, и поднял вместо них один большой дом в три жилья, расширив конюшню и скотный двор, вырыл колодец на случай настоящей осады, приказал соорудить два порока⁶⁰ по образцу немецких, виденных им в Гамбурге, куда он плывал в юности из любопытства и по торговым делам. Увы, семь лет назад, вернувшись из литовского похода, Федот Порфирьевич неожиданно в три дня сгорел от сильных колик в животе и оставил усадьбу на нынешнего хозяина.

Правда, Илья Федотович перед предками лицом в грязь не ударил. После Казанского похода он вернулся с двумя турецкими тюфьями⁶¹, отвергнутыми Пушкарским приказом⁶² и поставил их на углах стены, по всем правилам насыпав выпирающие вперед земляные площадки с частоколом из мореного дуба, замоченного на всякий случай в Еранке еще дедом. Он же для придания усадьбе солидности велел построить над воротами терем с бойницами в полу и четырьмя комнатами для припасов и стражи. Теперь маленькая крепость могла не только принять всех крепостных из владений Умильных, но и дать им крышу над головой, принять скот и защищать достаточно долго, чтобы дожидаться помощи от соседей или из Хлынова. Именно поэтому сейчас в обширном, утоптанном до каменной прочности дворе без труда разместились и двадцать повозок из воинского обоза Ильи Федотовича, и лошади взятых в поход смердов, да еще осталось место для трех длинных столов из струганных досок, за каждым из которых поместилось по три десятка человек.

Сам боярин, естественно, за одним столом с дворней не сидел. Он расположился в трапезной, с распахнутыми в сторону двора слюдяными оконными створками и со снисходительной усмешкой прислушивался к доносящимся снизу приветствиями. По левую руку от него опиралась локтями на вышитую скатерть жена, по правую – деловито резал булатным кинжалом копченую убоину Дмитрий, ради праздничного пира облачившийся в подаренный дедом английский кафтан с большими накладными карманами, отороченный куницей и украшенный двумя вошвами.

⁵⁸ Жидовский бунт – перед 7000 годом от сотворения мира, в страхе перед грядущим концом света новгородцы вдруг начали поголовно принимать иудаизм, что быстро было пресечено московскими властями.

⁵⁹ Корела – ныне город Приозерск на Ладожском озере.

⁶⁰ Порок – камнемет (баллиста, катапульта). Подобные устройства вполне успешно применялись в военных целях вплоть до 18 века.

⁶¹ Тюфяк – короткоствольная пушка.

⁶² Госприемка на Руси существовала уже при Иване Грозном, и без одобрения Стрелецкого или Пушкарского приказов никакое оружие в армию не попадало – будь то порох, «стволы» или клинки.

Да и угощение на боярский стол подавали совсем другое. Не приготовленную для челяди на ужин кашу с ветчиной, рыбные пироги и наскоро запеченных целиком долговязых петушков, а утонувшую в густом соусе лосину и зайчатину в глиняных лотках, белоснежные и рассыпчатые белужьи спинки, а также остро пахнущие чесноком шучьи головы и жгучую баранью печень с перцем и шафраном. Пил Умильный, в отличие от челяди, не крепкое хлебное вино⁶³, а настоящий еще по весне светлый мед с мускатом и гвоздикой.

– Расстегаев нужно болезному отнести, – вспомнил Илья Федотович. – Может, опяматовал ужо. Лежит голодный.

– Ты про Никиту? – не поняла супруга. – Так после того, как ты с ним поздравствовался, он заснуть успел. Прасковья заходила, успокоила. Но от стола отнекалась, опять к малышу ушла.

– Стрелец у меня раненый в обозе, – напомнил Умильный. – Я велел Касьяну в светелку возле терема его положить, все одно пустует. Забыли про него, мысля. Нужно послать кого проведать.

– Давай я схожу, батюшка, – поднялся Дмитрий, торопливо отер кинжал о ломоть хлеба и спрятал его в ножны.

– Ни к чему. Он тебя не знает, испугается. Пусть Прасковья сходит. У нее очи, как у голубки. Любого успокоит. И к хворым подход имеет. Ты, Гликерья, распорядись. Пусть сходит на кухню, снеди для него наберет. Да и сама, Бог даст, перекусит. А то скажут, заморил боярин племянницу голодом. Не ест совсем. Как кушаком затянется, так пояс тоньше моего плеча кажется.

– Сейчас пошлю, батюшка, – кивнула женщина, вышла из трапезной.

– Так мы пойдем стрелять, отец? – моментально вернулся к самой интересной для себя теме Дмитрий.

– Конечно пойдем, сынок, – кивнул Илья Федотович. – Чай, для тебя и лук боевой взамен детского отложен. Поутру выберем из трех самый тугой да ладный, начнешь привыкать. Скачет кто, али мерещится мне?

Боярин поднялся, подошел к окну. Теперь топот копыт стал слышен еще яснее.

– Тит, – рыкнул на дворню хозяин. – Поди, ворота отопри. Не слышишь, стучат?

Ярыга, ухитрившийся пропить выданные ему на хозяйство деньки и тем попавший Умильному в кабалу, поднялся с лавки, неуверенно добрел до засова, начал шумно с ним возиться. Боярин уже собрался посылать помощников, когда толстая створка с шелестом поползла наружу и в усадьбу, ведя в поводу двух взмыленных коней, вошел отрок лет пятнадцати с болтающейся на боку саблей.

– Здравия тебе, боярин Илья Федотович, – тяжело дыша, поклонился юноша.

– И ты здравствуй, – кивнул из окна хозяин. – Опускай коням подпруги, к столу проходи, гостем будешь.

– Благодарствую, Илья Федотович, невмочен. Засветло до боярина Маркова домчататься должен. Боярин Зорин меня послал, к Панышонкам всех соседей созывает. Татары!

Веселье за столом мгновенно оборвалось. Многие вскочили, закрутив головами, словно извечные порубежные разбойники успели прокрасться прямо в крепость.

– Откуда татары, ты чего?! – громче всех возмущился Трифон, запустив пятерню себе в кудри. – Государь наш год назад Казань взял, татар замирил, стрельцов в городе оставил. Ему все окрест сабли на верность целовали!

– То я не ведаю, – мотнул головой вестник. – Дозор воеводский татар оружных за Лемойрекой видел. Рать сотен пять, сказывали, не меньше. С обозом и конями заводными. На дневку становились. Отдыхают, видать, перед набегом.

⁶³ Хлебное вино – водка, которая в 16 веке обычно слегка приправлялась пчелиным медом.

– Ярыга... – начал было боярин, но тут же махнул рукой: – А-а... Ефрем, корец гостю поднеси. Ты отрок, к столу садись, подкрепи силы. Дальше на свежих конях поскачешь. Своих, вон, совсем загнал. Ермаила, Прохор, переседлайте лошадей. Дайте вестнику кого порезвее. И вина в дорогу налейте.

Убедившись, что его поняли, Илья Федотович затворил окно и вернулся к столу.

– Ужель поскачешь, батюшка? – Сын опустил на лавку. – Только сегодня же из похода?

– Нельзя соседа в беде оставлять, – задумчиво пригладил бороду Умильный. – Не похристиански это.

Жизнь на русском порубежье сплывала местных помещиков куда прочнее, нежели кровное родство или единоверие. Исконно вятские бояре Чернуша и Дорошата, сосланные из Новгорода бояре Умильный и Талица, смоленский боярин Рогузин, получивший землю всего двадцать лет назад, все они прекрасно понимали, что кроме их самих никто их смердов, их поля и деревни защитить не сможет. Пока с Хлынова али из Москвы помощи дождешься – басурмане все растащат, разорят и пожгут. Потому и ходили вокруг в дозоры, потому и поднимались в помощь соседу по первому призыву, дабы бить исконного врага единой силой, дабы выжечь на шкуре каждого разбойника крупное тавро: «На Вятку ходить нельзя. Там живет татарская смерть».

О прошлом годе, когда государь роздал поместья возле Богородского монастыря пяти татарам, что под командой хана Шиг-Алея вместе с московской ратью брали Казань, среди исконных русских земель появились деревеньки Татарская, Тат-бояры, Байбаки, Турунтай, Карачи и бояре забеспокоились, опасаясь, что местные басурмане снюхаются с разбойниками. Но, став хозяевами, вчерашние татарские сотники стали защищать русскую землю с той же отвагой, что и прочие помещики, хотя отрекаться от Аллаха и не думали.

– Нет, Митрий, – покачал головой Илья Федотович, – соседей без подмоги оставлять нельзя. Сегодня к ним беда стучится, завтра к нам придет. Как одни отбиваться станем? Однако же, призыв боярина Зорина – это не государево ополчение. Всех ратников по разрядной грамоте выставить ни к чему. Я с собой только два десятка холопов возьму. Остальных в усадьбе оставлю. Татары рядом, мало ли что... Ты за старшего остаешься, сынок. За мать, брата и хозяйство наше в ответе. Пороки завтра проверь, ворота на запоре держи. Коли проехать нужно – пусть подворники пропускают и закрывают створки немедля. На стене дозорных выстави. Сколько потребно будет – сам смотри. Все понял?

Илья Федотович взял сына за плечи и сурово взглянул ему в глаза. Он не очень верил, что татары могут дойти до Рагоз, но побережью все равно требовалось. Опять же, будущий воин, боярин рода Умильных, должен уметь командовать смердами и холопами. И сейчас, когда Дмитрий начинает мужать, самое время привыкать к оставленной им предками власти.

– Да, отец, – сурово, почти по-взрослому ответил мальчишка. – Все сделаю.

– Тогда я отдохну пойду. Как мать вернется, передай, в постель я направился. Ключнику скажи, путь укажет торбы наполнить и сумки собрать. Хорошо хоть, в баньке попариться успели, прости меня грешного Господи...

Боярин широко перекрестился, допил мед из высокого серебряного кубка и вышел из трапезной.

Глава 7

Пушкарь

Ранним утром, едва солнце успело подсушить выпавшую за ночь росу, ворота усадьбы распахнулись и из них широкой рысью вылетело два десятка всадников, каждый из которых вел в поводу двух заводных коней.

Ради близости похода, боярин Умильный на этот раз обоза с собой не брал, уложив снаряжение и припасы в чересседельные сумки. Да и не имелось времени у ополченцев тащиться рядом с медлительными телегами. Коли татар еще вчера видели за мелководной Лемой, сегодня они могли уже дойти до самих Паньшонок. Стало быть, и подмоге требовалось успеть туда дотемна. А обозу, даже торопясь, от Рагоз до Зоринской усадьбы – три дня хода. Этак татары все разорить успеют и назад спокойно уйти.

И все-таки лошадей Илья Федотович не гнал, в галоп не разгонялся, и даже с рыси временами переходил на шаг, давая скакунам возможность поберечь силы. Незадолго до полудня они миновали самую дальнюю Умильновскую деревушку – Порез, и оказались на землях одного из татарских соседей, Услум-бея. Выкашивающий луг смерд опустил косу, скинул шапку, поклонился всадникам, а затем, как заметил боярин, перекрестил им спины. Похоже, весть о татарах успела дойти и до крепостных.

На берегу реки Лумпун боярин остановил отряд на дневку, велел расседлать коней, напоить их и пустить попастьсь возле кустарника. За то время, пока люди жевали жесткое вяленое мясо, запивая его теплым шипучим квасом, скакуны немного отдохнули. Осушив свою флягу, Илья Федотович велел холопам одевать брони и седлать «заводных». Здесь, в одном переходе от поместья боярина Зорина, двигаться налегке становилось опасным.

– Кажется, валяться без сознания становится моей основной привычной, – пробормотал Андрей, начиная ощущать члены своего тела и понимая, что лежит он отнюдь не в траве, возле внезапно затормозившей лошади. Все вокруг неузнаваемо изменилось. В первую очередь, под спиной находились не доски или колючая шелестящая трава, а нечто матерчатое и комковатое. Или, говоря по-русски – какой-то дешевый, изрядно свалявшийся матрас. Во-вторых, пахло здесь не дорожной пылью или травяной свежестью, а вареной рыбой, к аромату которой примешивались запахи пересушенного сена, навоза, свежепиленной древесины. В-третьих, вместо поскрипывания тележных колес и нудного понукания возчиков он слышал кудахтанье, бляение, недовольное мычание, деловитые перекрикивания людей, стук молотков, козье меканье. Возникало ощущение, что из воинского обоза сержант мгновенно перенесся в самый центр скотного двора.

И опять Матях с надежной подумал, что сон окончился – сейчас он откроет глаза и увидит обшитый «вагонкой» и покрытый лаком потолок. И окажется, что он просто приехал к бабушке в деревню, и та пошла на утреннюю дойку пожалев, как всегда, будить своего непутевого внука.

– Десять, девять, восемь... – начал мысленно считать Андрей, – ...два, один!

Он поднял веки и обнаружил над собой плотно подогнанные друг к другу тонкие, в кулак, бревнышки, между которыми торчали белые пряди болотного мха.

– Очнулся, хороший мой? Ничего не болит?

Андрей повернул голову. Возле постели сидела тонкая, словно молодой ковыль, девушка лет восемнадцати, с округлым лицом и крохотным носиком, голубыми глазами и русыми, судя по выбивающимся из-под платка прядям, волосами. Губы у нее тоже были маленькие и узкие

– не рот, а крохотная черточка. На подбородке темнела небольшая ямочка, еще меньше рта. Из одежды на девушке была рубаша свободного покроя с длинными рукавами, поверх которой, словно очень большая майка, лежал сарафан с синими атласными лямками, расшитой красными цветами грудью и широким зеленым поясом, сделанным почему-то не на талии, а немного выше живота.

– Ты кто? – несколько грубовато вырвалось у него.

– Прасковья Куликова я, – почему-то покраснела девушка. – Меня Илья Федотович присмотреть за тобой. Сказывал, недужный сильно.

– Да, вроде, ничего, живой, – Андрей повел плечами, согнул и разогнул ноги, потом присел в постели. Кажется, у него действительно ничего больше не болело. Однако, на всякий случай, сержант сразу предупредил: – Вот только не помню ничего до того, как нашли. Провал в памяти.

– Вот, – девушка сняла со стоящего рядом стола деревянный поднос с пирогами. – Хозяйка велела расстегая с судаком и пряженцы грибные тебе принести. Оголодал, верно, с дороги. А я за сбитенем горячим схожу.

Дождавшись, когда сиделка выйдет, Матях откинул тонкое шерстяное одеяло, поднялся. Покрутил, разминаясь, руками, пару раз присел. Чувствовал он себя здоровым, как никогда. Вот только припахивало из подмышек изрядно, даже сам чувствовал. Да и не удивительно: сам не мылся чуть не полмесяца, одежду почти неделю не снимал. Вот и сейчас его прямо в рубашке и штанах на тюфяк уложили. Хорошо хоть, поршни кто-то снять догадался.

Сержант подошел к окну, дотронулся до светящегося прямоугольника. Рама была затянута чем-то, напоминающим кальку или пергамент. Андрей снял запирающую окно палку, потянул створки на себя. В лицо тут же ударило теплым ветром. Далеко впереди он увидел деревню, окруженную полями и огородами, слева играла белыми острыми листьями небольшая ивовая рошица, справа зеленело пастбище, на котором выщипывали траву несколько коров и десятка полтора белых коз с длинными витыми рогами. Внизу, метрах в пяти под окном, начиналась светло-желтая накатанная дорога, которая заворачивала за рошицу.

Матях высунулся наружу: вправо и влево от окна, вплотную примыкая к его домику, уходил частокол. Высота стены от земли до кончиков остро отточенных бревен составляла не меньше трех этажей обычного блочного дома. В общем, особо не полазишь и так просто не выпрыгнешь. Натуральный острог.

Сержант вернулся к постели, выбрал с подноса небольшой жаренный пирожок, запустил в него зубы. Ничего, вкусно. Грибов и лука кухарка не пожалела, картошки совершенно не чувствуется. Прожевав первый пряженец, он взялся за второй, потом потянул к себе раскрытый сверху продолговатый, похожий на лодку, пирог, открывающий взору подернутую румяной корочкой рыбную начинку.

Дверь распахнулась, вошла девушка с большим деревянным ковшом в руках, и по комнате тут же растекся запах пряностей:

– Вот, сбитеня отведай.

– Меня Андреем зовут, – сказал Матях, принимая ковш, немного отпил.

По вкусу и цвету напиток напоминал чуть сладковатый бразильский кофе, перенасыщенный корицей, гвоздикой и цветочными ароматизаторами. Похоже, даже перцу добавили.

– Хорошо, – после пары глотков оставил на стол угощение Андрей. – А ты тут как, Прасковья, за хозяйку будешь, или помогаешь просто?

– Племянница я Илье Федотовичу, – потупила взгляд девушка. – Как батюшка наш, Зосим Федотович, представился, дядюшка нас с сестрой к себе взял. Нехорошо, когда девушки одни живут, без родичей, что заступиться могут. В имении он ключника своего оставил, за хозяйством доглядывать, а нас сюда забрал.

– Далеко имение-то?

– В Пятиречье оно, на берегу Ладожском. Возле порта Вьюновского.

– Далеко, – присвистнул Андрей и потянулся к ковшу. Хоть и странное здесь кофе варят, а пить все равно хочется. – Что же теперь с ним будет?

– Илья Федотович сказывали, как я или сестра замуж выйдем, имение отцовское в приданое пойдет...

– Так ты, значит, богатая невеста? – сержант окинул Прасковью взглядом: юная, стройная, небольшие, но хорошо угадываемые под сарафаном груди, мягкие черты лица... Андрей почувствовал, как некая часть тела внезапно очень сильно захотела жениться. Причем совершенно бескорыстно.

Что подумала девушка, узнать не удалось, поскольку она залилась краской и выскочила за дверь. Матях в несколько глотков допил горячий сбитень, ощутив, как его бросило в пот, вышел следом – и оказался на широкой, метра в четыре, стене. Слева шел частокол с редкими бойницами, справа открывался широкий двор, заставленный пустыми телегами. Пара бородастых мужиков в серых рубахах и темных шароварах занималась как раз тем, что сбивала с повозок колеса и укатывала их в сарай, а получившиеся дощатые корытца складывала в штабель возле высокого, вровень со стеной, стога сена, прижатого сверху огромной деревянной крышкой. Напротив Андрея возвышался многоярусный дом: каменный низ, бревенчатый верх, резные ставни и лотки для стока воды, остроконечная крыша, через которую выпирают четыре трубы. Да-а, одной печью этакую громадину и не протопишь: метров сорок в длину, не меньше, и около пятнадцати в ширину. Немного поодаль стояло несколько сараев, опять же со стогами сена между ними, а вот в самом центре двора Матях с огромным изумлением обнаружил самые настоящие катапульты – да вдобавок уже взведенные и заряженные каждая десятком булыжников с человеческую голову размером.

Правда, стоящие здесь метательные системы в корне отличались от тех, которые Андрей разглядывал в учебниках по истории: с туго закрученными жгутами из женских волос и чашами на концах рычагов для укладывания «боеприпаса». Здесь на высоких, сбитых из толстых бревен опорах лежала ось, поверх которой был привязан небрежно ошкуренный сосновый ствол. К короткой его части, длиной метра в два, крепились по сторонам две корзины кубометра по полтора, засыпанные камнями. К длинному рычагу – метров в шесть, была привязана большая кожаная петля. Скорее всего – из коровьей шкуры. Вот и вся система. Немножко гравитации – и никаких «аккумулирующих энергию элементов».

В поисках лестницы сержант прошел по стене до угла и обнаружил на небольшой выдающейся вперед площадке, короткую пушечку, накрепко примотанную проволокой к толстому чурбаку и смотрящую вдоль стены. Длинной пушка была в руку, калибром – в два кулака. Матях сунул ладонь в ствол, нащупал пыж, уважительно кивнул: заряжено. Похоже, крепость готова сражаться хоть сейчас.

Сержант двинулся дальше, за сарай, и вместо лестницы наткнулся на пологий земляной спуск. Навстречу поднималась Прасковья, которая тут же залилась краской и отвела глаза:

– Я корец и поднос заберу, боярин Андрей.

– Забирай, скромница ты наша, – кивнул Матях. – Скажи, а Илья Федотович где?

– Он с холопами к Паньшонкам умчался. Сказывают, татары там объявились.

– Татары? – ввевшийся в плоть и кровь каждого русского человека синоним опасности сразу заставил иначе взглянуть на происходящие в усадьбе приготовления. – Далеко?

– Полста верст, боярин.

– Пятьдесят верст, это около ста километров, – произвел в уме нехитрый подсчет Матях и несколько успокоился. – Постой, не убегай. Помыться бы мне хотелось, одежду постирать. Не подскажешь, как это можно сделать?

– Баню вчерась топили, – Прасковья, хотя это и казалось невозможным, покраснела еще сильнее. – Хозяйка, мыслю, снова дрова палить не даст. Но вода теплая должна остаться. А порты и рубаху я могу постирать. Дни ноне жаркие, до завтра просохнет.

– Ага, – Андрей зачесал в затылке, вспомнив, что сменной одежды у него нет. Не голым же почти сутки сидеть? Впрочем, раз уж ему отвели отдельную комнату, можно переночевать и нагишом. Если что – в одеяло завернется, яко в римскую тогу. Зато потом окажется чистым и умытым. – Ладно, была не была. Показывай баню.

К зоринской усадьбе отряд Умильного подошел едва ли не самым последним. Впрочем, позорного в этом ничего не было – просто земли Ильи Федотовича находились дальше всех от места сбора. Внутри небольшой крепостицы собравшееся войско, естественно, не помещалось, а потому шатры стояли снаружи, возле дубового частокола. Многие из этих походных домов были хорошо знакомы и боярину, и его холопам. Немецкие белые парусиновые шатры принадлежали помещикам Хробыстину и Лыкову. Сказывали, привезли они их из Смоленского похода. Но не захватили в бою, а просто купили в одном из тамошних городов. Атласный переливистый остроконечный «дом» выдавал присутствие Федора Шуйского. Эту красоту подарил его деду отец нынешнего государя. Серая невысокая палатка боярина Дорошаты. Хотя в его руках и находилось целых пять деревень, но владения были лесистыми, пашни смердам еле хватало, и богатством помещик похвастаться не мог. Украшенная шелковой лентой удивительно сочного изумрудного цвета юрта принадлежала кавалеру Лебтону, переселившемуся на Русь из далекой Баварии. Ушлый немец, присягнув царю и получив на кормление безлюдные земли на правом берегу Косы, населил их буквально за несколько лет, не отпуская освобожденный во время походов полон, а осаживая его в свои владения. Его деревеньки так и назывались по местам, откуда он привел смердов: Астрахань, Волга, Кукморы, а то и просто – Полон, Степные. За юртой немца стояло несколько точно таких же, но попроще, крытые войлоком и коврами. Это примчались на подмогу те самые татары, которых поначалу опасались местные бояре: Ирим-мурза, Калтай, Чус-бек, Ардаши, Ухтым-бей.

Если все собравшиеся помещики, как и Умильный, привели с собой хотя бы по половине воинов, общая рать должна насчитывать не менее трех сотен конников. С такой силой полторы тысячи степняков никак не управиться.

– Касьян, – оглянувшись на холопа Ильи Федотович, – расседывайте лошадей, становитесь лагерем. Я скоро.

Хотя ворота усадьбы были распахнуты настежь, боярин Умильный из вежливости спешил снаружи, перекрестился на надвратную икону и вошел во двор, ведя коня в поводу. Тут же подбежал местный холоп, забрал скакуна. Гость остановился, повел плечами. Зловеще зашестели кольца байданы. Но Семен Васильевич Зорин ждать не заставил, торопливо вышел на крыльцо, спустился навстречу:

– Здрав будь, Илья Федотович. Заждались мы тебя. Проходи в трапезную, садись к столу. Подкрепишься с дороги, чем Бог послал.

В обширной комнате, стены которой были обиты дорогим иноземным бархатом, а стол покрывала алая атласная скатерть, было тесно от собравшихся воинов, все как один одетых в броню, и звон железа временами перекрывал голоса людей.

Вернувшись на хозяйское место, боярин Зорин выбрал с опричного блюда⁶⁴ сочный кусок мяса, положил на хлеб, подозвал прислуживающего мальчишку, приказал передать появившемуся гостю. Поднял кубок:

– За здоровье соседа нашего Ильи Федотовича!

– Много людей привел? – поинтересовался у Умильного оказавшийся рядом длинноусый и круглолицый татарин Ардаши в панцирной кольчуге.

– Два десятка.

– Это хорошо, – кивнул Ардаши, и тут же похвастался: – А я полсотни набрал. И нукеров, что в разрядные листы записаны, и еще двадцать молодых, что только усы пробиваться стали.

– Ты мне лучше скажи, Иса Камович, – Умильный достал небольшой ножичек с перламутровой рукоятью, который он носил именно для таких случаев, принялся резать поднесенное мясо на тонкие ломтики, – ты мне скажи, откуда тут татары взялись? Казань, вроде, замيرена. Ханы государю в верности поклялись.

– То не татары, – презрительно хмыкнул Ардаши. – То плешивые собаки со степи прибежали. Разве татарин три дня на месте стоять станет, коли воевать пришел? Татары уже и усадьбу сию сожгли бы, и деревни окрестные опустошили. А это так, шакалы безродные. Сами пришли, сами и боятся.

– Откуда ведомо, что стоят?

– Сын боярина Зорина с холопами в дозоре караулит. Полдня назад вестника прислал. Семен Васильевич рассказывает, самим на татей идти надобно. Разогнать, пока беду не сотворили. Поутру, мыслю, и пойдем.

– Угу, – задумчиво кивнул Илья Федотович, накалывая ножом мясо и отправляя кусочки в рот. Пожалуй, он узнал все, что хотел. И где татары, и когда кованая рать выступить против них будет. Утром – это лепо. Кони и холопы отдохнуть успеют, со свежими силами в сечу пойдут.

Вот только почему степные разбойники третий день на месте стоят, не двигаются? Странно это. На уловку хитрую похоже...

Агрипину родители иногда все еще называли Рипой. Но теперь все реже и реже. Вместе с маленьким именем для нее были связаны все детские воспоминания: как качалась на веревке под яблонями, как плела веночки, пытаясь украсить ими то маму, то отца, то корову или овец. Тогда она чаще слышала: «Рипа, хочешь меду?», «Рипа, иди творожку попробуй!», «Рипа, смотри что папа для тебя сделал!». Потом появились: «Агрипина, посмотри за курами», «Агрипина, покорми поросят», «Агрипина, принеси воды». И чем чаще девочка оказывалась «Агрипиной», тем дальше и дальше в прошлом оставалось ее босоное детство.

Босоное в прямом смысле этого слова, поскольку вместе со взрослым именем она приобретала и взрослые одежды. Если раньше на все случаи жизни Рипе хватало ситцевой и полотняной рубашки, то у Агрипины появились сапожки и лапти для жаркой погоды, она наравне с матерью могла пользоваться большими валенками, рубашка у нее теперь была сатиновая, которую она уже сама вышила разноцветным катурлином. Сарафанов имелось и вовсе два, один простой, на каждый день, и один из повалоки. Платков, так и вовсе пять. Обычный повойник, повойник с набитным рисунком, платок теплый, платок шерстяной, пуховый платок. Без платка девушке ведь нельзя, грех простоволосой ходить. Ну и, разумеется, еще пару юбок они

⁶⁴ Опричное блюдо – во время пиров стояло перед хозяином дома, и угощение с него хозяин самолично передавал кому-то из гостей, выражая таким образом свое особое расположение и уважение.

с матерью сшили, полушубок овчинный отец стачал. Может, и не суконный, как у бояр, зато теплый.

Правда, о теплой одежке думать было еще рано. Лето, чай, в разгаре. А потому к колодцу Агрипина шествовала в обычном повойнике и сарафане холщовом, простеньком. Черпанув общинной кадкой воды, она перелила ее в свои, подцепила их коромыслом, привычным рывком подняла на плечо, тронулась по тропинке, аккуратно переставляя ноги.

Мимо промчался конь, но стук копыт замедлился, вернулся назад...

– Рипа? Давай помогу...

Черноволокный Степка, сосед через улицу, прыгнул с коня, одернул рубаху, сунул за пояс плеть. Девушка не поднимая головы, искоса посмотрела на него, улыбнулась, раздумывая, и наконец разрешила:

– Ладно, помоги...

Себе Рипа цену знала. Далеко не у каждой у них в Богородском есть такие пронзительные зеленые глаза, как у нее нос и губы красивые, грех жаловаться. Веснушек нет, ветрянки тоже стороной минула. Коса толстая до самого пояса, подружкам на зависть, грудь последний год так выдалась, даже страшно иногда становится, да и статью Бог не обидел. Так отчего же и не покапризничать, не повыбирать себе молодца по сердцу? Пятнадцатый год уже, скоро сватов встречать можно будет. Один раз согласишься – потом всю судьбу будущую под согласие это отдать придется. Степка что? Он ей, конечно, нравился. С детства бок о бок росли. Видела, что нравится, да ведь не на нем свет клином сошелся. Вон, Тимофей Масленников, рыжий как огонь и нахальный, как мартовский кот, тоже ничего, и тоже увивается. Купец тут, молодой и богатый, тоже пытался погулять уговорить. Да токмо видно было, что поблудить гость залетный хочет, без серьезности, потому сразу и погнала, восхитив своей снисходительной гордостью всю улицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.